

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 6
1 din 30.04.2009

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 4 (280) 2015

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța, România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.; V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în drept (Constanța, România); M. Gheorghită, doctor habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof. univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru, doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor-șef adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof. univ.; V. Stratonov, doctor în drept, prof. univ. (Herson, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD - 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790; mob. 067431762;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: legea_zakon@mail.ru
Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasviata.in.ua

SUMAR

- A. CERCHEZ. Aspecte controversate privind identificarea formelor răspunderii juridice..... 5
- D. OSTAVCIUC. Constatarea semnelor infracțiunii și pornirea urmăririi penale în cazuri de traficare a copiilor, pe baza informațiilor obținute din măsurile speciale de investigații 10
- P. ȚURCAN. Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor ca factor determinant în facilitarea și dezvoltarea comerțului extern 17
- C. RUSNAC. Rolul audierii la investigarea faptei săvârșite în legitimă apărare 22
- A. АГАРКОВА. Становление уголовной ответственности за массовые беспорядки в странах СНГ 26
- A. АКСЮТИНА. О некоторых правовых аспектах предоставления продюсерских услуг в Украине 31
- B. АНДРИЕНКО. Юридическая природа форфетирования 35
- A. АНИСИМОВА. Корреляция экологических прав и обязанностей: естественно-правовые подходы 40
- O. БАИК. Международный договор как источник налогового права Украины 46
- E. BILOUSOV. Value concepts of „economic law and order” and „economic security” (problem) .. 52

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

ANUNȚ

Premiul Curții Constituționale „Constantin Stere”, Ediția 2015

Curtea Constituțională a Republicii Moldova anunță demararea concursului pentru decernarea Premiului Curții Constituționale „Constantin Stere”, Ediția 2015.

La concurs pot participa autori (persoane fizice, colective de autori sau asociații obștești) ai lucrărilor științifice publicate (monografii, cicluri de lucrări sau serii de articole științifice, publicate în revistele naționale sau internaționale și recunoscute drept publicații științifice de profil) în decursul ultimilor 2 ani.

Lucrările trebuie să urmărească stimularea soluționării efective a problemelor științifice și practice în domeniul dreptului, în general, și ale instituției dreptului constituțional, în particular, dezvoltarea sistemului jurisdicțional, susținerea cercetărilor fundamentale în domeniul dreptului comparat și al drepturilor omului, inclusiv prin prisma jurisdicției constituționale.

Autorilor lucrărilor științifice premiate li se conferă titlul de laureat al Premiului Curții Constituționale „Constantin Stere”, li se înmânează diploma de laureat și un premiu bănesc în mărime de 10.000 lei.

Candidații se pot înscrie în concurs prin depunerea dosarelor la sediul Curții Constituționale (or. Chișinău, str. A.Lăpușneanu, 28, tel. de contact: 022253732; 022253724).

Dosarul candidatului va include:

- a) adnotarea rezumativă (până la 3 pagini; semnată) în care va fi expusă actualitatea și noitatea științifică a temei cercetate în lucrare;
- b) recenzia unui specialist în domeniu;
- c) curriculum vitae al candidatului/candidaților (care să cuprindă numele, prenumele; anul nașterii; studiile; specialitatea; locul de muncă; funcția; lista lucrărilor științifice publicate; datele de contact); în cazul asociațiilor obștești se prezintă copia certificatului de înregistrare de stat, se indică adresa juridică și numele președintelui asociației;
- d) lucrarea /lucrările științifice publicate prezentate pentru participare la concurs.

Data limită de prezentare a dosarelor este 20 iunie 2015.

Regulamentul cu privire la decernarea distincțiilor Curții Constituționale poate fi accesat pe pagina de internet <http://www.constcourt.md>

ASPECTE CONTROVERSATE PRIVIND IDENTIFICAREA FORMELOR RĂSPUNDERII JURIDICE

Adela CERCHEZ,

asistent universitar, Universitatea „Spiru Haret”,
Facultatea de Drept și Științe Administrative, București, România

REZUMAT

Articolul cuprinde un studiu dedicat identificării formelor răspunderii juridice, chemate să se dezvolte și să se redescopere odată cu evoluția continuă a societății. Delimitarea formelor răspunderii juridice și, implicit, a criteriilor susceptibile să ofere fundamentul acestei clasificări este mult controversată în doctrina juridică și în jurisprudență, având în vedere importanța sa teoretică și practică. Răspunderea juridică poate fi studiată și înțeleasă în profunzimea substanței sale doar pornind de la formele sale concrete de manifestare.

Cuvinte-cheie: răspundere juridică, forme ale răspunderii juridice, responsabilitate, controverse, normă juridică, fapt juridic

SUMMARY

The article includes a study aiming to identify the legal liability forms urged to develop and rediscover themselves together with the evolution of society. The delimitation of legal liability forms and hence the criteria likely to provide the basis for this classification are more controversial in the legal doctrine and jurisprudence, given its theoretical and practical significance. Legal liability can be studied and understood in its depth only starting from its concrete forms of expression.

Keywords: legal liability, forms of legal liability, responsibility, controversy, legal norm, legal fact

Introducere. Identificarea formelor răspunderii juridice și determinarea locului acestora în sistemul de drept al răspunderii juridice, una dintre cele mai importante și complexe instituții juridice, reprezintă o reală preocupare pentru cercetarea juridică din toate timpurile.

În contextul dezvoltării continue a societății, formele răspunderii juridice sînt chemate să evolueze și să se redescopere odată cu societatea. Studiul formelor răspunderii juridice este actual, important și provocator și din perspectiva modificărilor intervenite, pe tărâm legislațiv, în dreptul intern.

Actualitatea subiectului rezidă din interesul manifestat pentru identificarea formelor răspunderii juridice, interes generat de continua reconfigurare a realității sociale, care implică reevaluarea unor fenomene juridice, apreciate ca definitiv tranșate.

Ne raliem opiniei profesorului D. Baltag, conform căruia „răspunderea juridică nu este un fenomen în stagnare; schimbarea și evoluția socială a legislației a conferit un

nou vector principiilor, obiectivelor, funcțiilor răspunderii juridice. Un bilanț al acestei evoluții îl prezintă și apariția unor noi forme ale răspunderii juridice, cum ar fi răspunderea constituțională, financiară, fiscală, procesual-civilă, procesual-penală. În etapa de constituire se află și formele de răspundere constituțional-procesuală, de dreptul familiei, care trebuie să fie abordate cu meticulozitate, pentru a le găsi locul și rolul adecvate în sistemul răspunderii juridice. Actualmente, concepția modernă a răspunderii juridice cuprinde și recunoașterea răspunderii în fața legii nu numai a persoanei, ci și a statului, organelor sale, funcționarilor publici”.

Răspunderea juridică, dar și formele ramurale sub care se manifestă sînt într-o permanentă dezvoltare, atît din punct de vedere practic, cît și din punct de vedere teoretic.

Studiind problematica răspunderii juridice și a formelor acesteia, am constatat că, actualmente, există o insuficientă abordare a formelor răspunderii juridice. Fenomenele juridice relative la problematica

prezentată, lipsite de o interpretare omogenă în doctrină, reclamă un studiu aprofundat, orientat spre identificarea esenței juridice a răspunderii juridice și a formelor ei de manifestare.

Metode aplicate și materiale utilizate. Cercetarea materializată în prezentul studiu a fost realizată prin aplicarea metodei construcției abstracte, a interpretării logice a normelor de drept etc. Materialul științific folosit provine din lucrări științifice, studii documentare, dar și din alte surse.

Rezultate și discuții. Studiul instituției răspunderii juridice, în general, și al formelor răspunderii juridice, în special, implică o abordare de strictă specialitate, actualitatea cercetării rezultând, în special, din evoluția relațiilor sociale existente, prin acumulări cantitative treptate, obiective și subiective în viața socială, dar și din conturarea și dezvoltarea relațiilor noi.

Identificarea formelor răspunderii juridice a suscitat numeroase controverse în doctrina juridică din toate timpurile. Răspunderea juridică, ca fenomen de drept, sim-

bolizează identitatea conținutului și formei. Conținutul nu se poate manifesta în afara formei prin care se exteriorizează. Conținutul este „ce” sau „cum”, adică ceea ce umple forma, din ce este aceasta alcătuită.

Relativ la fundamentarea formelor răspunderii juridice, respectiv la corelația dintre ramurile de drept și formele răspunderii juridice, subliniem faptul că răspunderea juridică, în accepțiunea centrată pe ideea de drept obiectiv, înglobează patru categorii de norme juridice: norme juridice privind conduita ilicită, norme juridice ce reglementează condițiile care trebuie întrunite, norme juridice cu privire la sancțiuni și norme juridice care vizează procedura. Fiecare categorie de norme juridice este comasată pe instituții juridice, răspunderea juridică conturându-se ca o instituție juridică polivalentă, ca un sistem plurivalent de norme juridice. Sistemul social juridic, la nivel macro-, mezo- sau micro-, se autoreglează prin intermediul răspunderii juridice, neutralizând fapta ilicită și pedepsindu-l pe autorul acesteia.

Normele juridice de natură juridică diferită pot alcătui același sistem funcțional, configurarea lor fiind impulsionată de o finalitate comună, respectiv reglementarea directă sau implicită, într-o anumită nuanță, a unor raporturi juridice. Prin urmare, cele patru categorii de norme juridice care alcătuiesc răspunderea juridică se prefigurează ca instrumente de îndeplinire a autoreglării și sancționării sociale (juridice) [7, p. 355].

Formele răspunderii juridice, din această perspectivă, pot fi calificate ca fiind subsisteme sau sisteme paralele de sancționare sau de autoreglare, implicit instituții juridice ale diferitelor ramuri de drept.

Conturarea formelor răspunderii juridice constituie un proces dialectic complex, întocmai ca apariția diferitelor ramuri de drept. În doctrina juridică, o perioadă de timp îndelungată, elementele noi apărute în reglementarea relațiilor sociale, ca urmare a evoluției societății, erau explicate prin intermediul trăsăturilor importante proprii instituțiilor respectivelor ramuri de drept. Această concepție este și astăzi actuală. Primele norme juridice au urmărit reglementarea relațiilor de proprietate, conturându-se astfel normele juridice *civile*, precum și asigurarea contracarării juridice statale a uzurpării proprietății private, conturându-se astfel normele juridice *penale*. Putem concluziona în sensul instituirii, încă din Antichitate, a răspunderii juridice civile și a răspunderii juridice penale.

Doctrina juridică este unanimă în sensul că răspunderea juridică civilă a avut dintotdeauna caracter de drept comun în raport cu răspunderea proprie celorlalte ramuri de drept. „Elaborată inițial ca o instituție de aplicație generală, răspunderea civilă s-a delimitat și s-a detașat treptat de alte forme de răspundere, în special de răspunderea penală, dar nu și-a pierdut aptitudinile de a fi folosită în continuare ca o regulă generală în materie. Teoria răspunderii și instituția ca atare a fost elaborată în primul rând pe terenul dreptului civil” [1, p. 15].

Potrivit marelui civilist francez H. Mazeaud, „răspunderea civilă nu a devenit numai centrul dreptului, dar este pe cale să absoarbă dreptul în totalitatea sa”. În opinia altor reprezentanți de seamă ai domeniului dat, este suficient să ne raportăm la desprinderea dreptului muncii din dreptul civil, cu răspunderea sa materială specifică, pentru a înțelege că procesul este, în dialectica sa, tocmai invers, respec-

tiv de limitare a civilului, inclusiv a sferei de influență a răspunderii juridice civile, conturându-se noi forme de răspundere pentru care dreptul civil joacă rolul de drept comun [7, p. 356].

În contextul schimbărilor intervenite în societatea contemporană, marcate atât de revoluția tehnico-științifică, cât și de revoluția industrială sau informațională și care au impulsionat evoluția răspunderii juridice, au impus, așa cum afirma profesorul Liviu Pop, „evadarea din interpretarea clasică și tradițională a textelor în materie ale Codului civil și chiar adoptarea de noi reglementări pentru anumite domenii speciale” [8, p. 356].

Din această perspectivă, problema esențială care se pune este de a ști când sînt instituite premisele indispensabile desprinderii din dreptul comun a unei forme de sine stătătoare de răspundere juridică și, implicit, a unei noi ramuri de drept. O explicație simplistă este circumscrisă apariției unei nou categorii de fapte sociale ilicite. O explicație riguros științifică nu poate face, însă, abstracție de legătura reciprocă existentă între conținutul reglementărilor juridice și formelor de manifestare exterioară, în accepțiunea filosofiei dreptului. În literatura juridică, conținutul este circumscris ansamblului criteriilor intrinseci faptei ilicite precum pericolul social, valorile încălcate, forma vinovăției și a conduitei subiectului, gradul de frecvență, iar forma vizează criteriile extrinseci, exterioare faptei ilicite, respectiv sursa legislativă a normelor juridice sancționatoare, felurile de aplicare și executare a sancțiunilor.

„Necesitatea unei răspunderii juridice noi” intervine, așadar, în momentul în care în cadrul teoriei proprii uneia dintre răspunderile consacrate survin dereglări logi-

ce, ca urmare a apariției unor noi tipuri de fapte ilicite care necesită noi reglementări sancționatorii, respectiv „sancționări disidente” [7, p. 357]. Prin urmare, o nouă formă de răspundere juridică se conturează atunci când nu mai este garantată corelația dintre cele două categorii de criterii, extrinseci și intrinseci faptei ilicite, dintre conținut și formă. Criteriile extrinseci faptei ilicite, respectiv forma, evocă în ansamblul lor tocmai regimul juridic propriu unei anumite categorii de fapte ilicite, și anume regimul juridic al răspunderii pe care respectivele fapte o angajează. Avem în vedere regimul juridic instituit prin cele patru categorii de norme juridice enunțate mai sus, transpuse în conținutul instituției răspunderii juridice, privite ca sistem polivalent de norme juridice.

Apartenența normelor juridice la ramurile de drept impune înțelegerea și explicarea regimului juridic (forma) prin trimitere la ramurile de drept. Natura juridică a formelor de răspundere juridică este conferită de ramura de drept căreia respectivele forme de răspundere îi aparțin cu preponderență, fără a fi necesară o apartenență absolută, dat fiind faptul că există elemente ale răspunderii juridice comune mai multor forme de răspundere, trasate de dreptul comun. Normele comune vizează, de regulă, condițiile care nu trebuie îndeplinite, precum cauzele exoneratoare de răspundere sau aspectele procedurale. Ramurile de drept nu trebuie tratate separat unele de altele, ci ca părți componente ale unui sistem de drept unitar, în cadrul căruia aspecte concrete, așa cum sînt reglementate în diferitele ramuri de drept, pot fi comune multor ramuri de drept, evident sub rezerva derogărilor expres reglementate prin

lege, profilîndu-se chiar și instituții juridice comune [6, p. 36].

Evoluția rapidă a societății actuale, transformările progresive ale realității sociale imprimă un caracter aparte răspunderii juridice, noile relații sociale legal reglementate generînd, în ipoteza nesocotirii lor, sancțiunea răspunderii juridice în una din formele acesteia. Progresul ne obligă, așadar, la revalorificări, în special în materia formelor răspunderii juridice.

Atît în literatura de specialitate, cît și în diferite acte normative sînt abordate diferite forme ale răspunderii juridice. Formele răspunderii juridice se profilează în funcție de domeniul sau ramura de drept în care au intervenit abateri de la normele juridice, cu luarea în considerație a unor factori precum: gradul de pericol social al faptei ilicite, valorile sociale lezate, modalitățile de săvîrșire a faptei ilicite sau vinovăția autorului.

Practica judiciară, dar și doctrina juridică au manifestat preocupări mai degrabă în ceea ce privește formele răspunderii juridice: civilă, penală, administrativă, constituțională, materială etc. Răspunderea juridică nu poate fi studiată și înțeleasă în profunzimea substanței sale doar pornindu-se de la formele sale concrete de manifestare.

Problema identificării formelor răspunderii juridice, care implică și identificarea criteriilor susceptibile să ofere fundamentul acestei clasificări, este mult controversată în doctrina juridică și în jurisprudență, avînd în vedere importanța sa teoretică și practică.

Sub aspect teoretic, identificarea criteriilor și clasificarea formelor răspunderii juridice este de natură să contureze natura juridică a răspunderii juridice incidente [4, p.232]. Sub aspect practic, stabilirea

criteriilor și clasificarea formelor răspunderii juridice vizează identificarea regimului juridic al diferitelor forme ale răspunderii juridice, avînd în vedere atît interferența, cît și cumulul dintre formele răspunderii juridice, în procesul aplicării normelor juridice corespunzătoare unei spețe concrete [4, p.232].

Identificarea criteriilor și clasificarea formelor răspunderii juridice au constituit subiect de cercetare pentru numeroși specialiști în domeniu, aceștia oferind abordări și soluții diferite. Unii autori au propus drept criterii de clasificare criteriul naturii și importanței sociale a interesului lezat prin fapta ilicită sau criteriul particularităților definitorii ale conduitei ilicite, din perspectiva normei încălcate [5, p. 51-59].

În funcție de criteriul naturii și importanței sociale a interesului lezat prin fapta ilicită, au fost identificate următoarele forme ale răspunderii juridice:

- răspunderea față de întreaga societate, formă care vizează doar răspunderea penală;
- răspunderea față de un organ al statului, respectiv răspunderea administrativă;
- răspunderea față de o colectivitate mai restrînsă de indivizi, respectiv răspunderea specifică dreptului muncii sau dreptului cooperatist;
- răspunderea față de persoana vătămată în drepturile ei legitime, respectiv răspunderea civilă.

Din perspectiva acestui criteriu de clasificare a formelor răspunderii juridice, răspunderea juridică, în toate ipotezele sale, implică constrîngerea din partea statului, astfel încît o clasificare întemeiată pe divizarea societății în colectivități mai restrînsă sau mai ample este improprie, întrucît răspunderea juridică este expresia răspunderii față

de societate în ansamblul ei. Această concepție rezidă din interesul de a prezenta statul ca o valoare absolută, importanța normei juridice fiind statornicită, de asemenea, în scopul garantării ocrotirii interesului aceluiași stat, privit ca autoritate socială unică.

În literatura de specialitate, clasificarea răspunderii juridice întemeiată pe o astfel de concepție a fost criticată ca fiind lipsită de fundament practic și, implicit, de interes din perspectiva dreptului, întrucât este preocupată de importanța conferită unor valori sociale, dar și de ierarhizarea obligatorie a normelor juridice în raport de importanța lor socială.

Identificarea criteriilor susceptibile să ofere fundamentul clasificării formelor răspunderii juridice este deci controversată în doctrina juridică și în jurisprudență. S-a susținut că răspunderea față de un organ al statului este în realitate o răspundere față de statul însuși, iar răspunderea civilă, din perspectiva finalității acestei instituții juridice, nu poate fi abordată ca o răspundere față de persoana vătămată, întrucât vizează societatea în ansamblul său.

În funcție de cel de-al doilea criteriu de clasificare propus, respectiv criteriul particularităților definitorii ale conduitei ilicite, din perspectiva normei juridice încălcate, au fost identificate următoarele forme ale răspunderii juridice: răspunderea civilă, răspunderea penală, răspunderea administrativă, răspunderea disciplinară, răspunderea materială, răspunderea patrimonială.

Relativ la acest criteriu, s-a admis că este susceptibil de a determina natura faptei ilicite și a caracterului propriu sancțiunii pe care o atrage. Acest criteriu are aptitudinea de a determina natura juridică a

forme de răspundere juridică incidentă ori de câte ori intervine o încălcare a ordinii de drept. Criteriul particularităților definitorii ale conduitei ilicite, din perspectiva normei juridice încălcate, susceptibil de a determina diferitele forme ale răspunderii juridice a fost desemnat de către unii autori [4, p. 233] și prin sintagma *criteriul naturii normelor juridice încălcate*, avînd – din perspectiva teoriei generale a dreptului – o valoare universală, dar și o importanță practică, care excede semnificația pur teoretică a oricărei clasificări.

Evident, răspunderea juridică are și alte clasificări. Astfel, în funcție de natura sancțiunii juridice incidente, putem deosebi răspunderea juridică patrimonială de răspunderea juridică extrapatrimonială, după cum se tinde și la asigurarea reparației cu efecte asupra patrimoniului sau asupra persoanei autorului faptei prejudiciabile, vizînd așadar aspecte personale nepatrimoniale.

Totodată, putem deosebi răspunderea juridică personală a persoanei fizice de răspunderea juridică a persoanelor juridice, precum societăți comerciale, asociații și fundații, partide politice, sindicate etc.

Potrivit cercetătorului D. Baltag [3, p. 444], analizate din perspectiva scopului urmărit, forme ale răspunderii juridice sînt următoarele:

- răspunderea cu caracter *reparator*, de natură patrimonială sau materială, instituită în scopul înlăturării consecințelor prejudiciabile, evaluabile pecuniar, cauzate patrimoniului persoanei vătămate, prin instituirea unei obligații de a da sau de a face în sarcina făptuitorului și în beneficiul persoanei prejudiciate;

- răspunderea cu caracter *sancționator* sau *represiv*, autorul

faptei ilicite fiind obligat să suporte urmările punitive ale conduitei sau faptei ilicite săvîrșite, în funcție de gradul de pericol social al acesteia. Sancțiunile pot fi de natură patrimonială (confiscare, amendă, penalități de întîrziere pentru executarea obligațiilor în termen) sau de natură nepatrimonială (privarea de libertate, interdicții, decăderi, mustrare, avertisment etc.).

Potrivit savantului Gh. Avornic, conturarea naturii juridice a oricărei forme de răspundere este determinată de dispoziția normei juridice încălcate. În viziunea autorului, norma juridică încălcată atribuie răspunderii juridice o anumită formă: civilă, penală, administrativă, constituțională etc. Se admite totodată ideea că existența răspunderii juridice este condiționată de existența unui fapt juridic, iar faptele juridice, fără a beneficia de o denumire specială, mai ales în ramurile de drept recente, generează răspunderi juridice diferite.

În lumina acestor raționamente, Gh. Avornic admite existența, în literatura de specialitate, a următoarelor forme ale răspunderii juridice: răspunderea constituțională, răspunderea administrativă, răspunderea disciplinară, răspunderea penală, răspunderea civilă, răspunderea comercială, răspunderea materială, răspunderea patrimonială a membrilor cooperatori și răspunderea familială [2, p. 298].

Unele forme ale răspunderii juridice, precum răspunderea constituțională, cea familială sau comercială nu sînt menționate în literatura juridică, iar în lucrările de ramură nu sînt denumite, deși sînt abordate. Totodată, în doctrina juridică, cu privire la cele două mari diviziuni ale dreptului, se face distincție între răspunderea de drept privat și răspunderea de drept public.

Continuând identificarea și enumerarea criteriilor de clasificare a formelor răspunderii juridice, amintim și modul de stabilire a întinderii obligației de reparațiune, subiectul căruia îi incumbă răspunderea sau izvorul obligației. Modalitatea de stabilire a răspunderii constituie un alt criteriu de delimitare a formelor răspunderii juridice. Prin urmare, dacă în materie penală acțiunea de tragere la răspundere este exercitată, în principiu, din oficiu, în materie civilă răspunderea civilă este guvernată de principiul disponibilității, persoana ale cărei interese sau drepturi au fost lezate având facultatea de a declanșa procedura de tragere la răspundere civilă.

Profesorul Gh. Avornic [2, p. 300] propune un nou criteriu de clasificare a modalităților răspunderii juridice „în funcție de tipurile acesteia reglementate de legislația în vigoare”, deosebind, în conformitate cu legislația din Republica Moldova, următoarele forme: răspunderea penală, răspunderea administrativă, răspunderea disciplinară, răspunderea materială și răspunderea civilă.

Concluzii. Răspunderea juridică, în general, și formele acesteia, în special, reprezintă instituții esențiale ale dreptului, supuse unui continuu proces de dezvoltare, în contextul evoluției societății în ansamblu, impunându-se astfel adaptarea răspunderii juridice, precum și a formelor acesteia, noilor exigențe decurgând din progresul societății.

Formele răspunderii juridice se profilează așadar în funcție de domeniu sau de ramura de drept în care au intervenit abateri de la normele juridice, cu luarea în considerație a unor factori precum natura normei juridice încălcate, gradul de pericol social al faptei

ilicite, valorile sociale lezate, modalitățile de săvârșire a faptei ilicite sau vinovăția autorului.

Fiecare formă a răspunderii juridice întrunește cumulativ o funcție educativă și o funcție preventivă, fiind diferită modalitatea de comportament social al oamenilor, influențat atât de însemnătatea valorilor sociale ocrotite din punct de vedere juridic cât și de repercusiunile care derivă din încălcarea acestora.

Caracterul autonom al diferitelor forme de răspundere juridică nu trebuie să ducă la concluzia că acestea se exclud, putând exista interferențe sau suprapuneri între diferitele forme ale răspunderii juridice. De exemplu, o faptă care contravine unei norme juridice poate angaja concomitent atât răspunderea civilă, cât și răspunderea penală, fiecare astfel de răspundere manifestându-se în formele sale specifice.

Configurarea unui tablou polivalent al formelor răspunderii juridice și armonizarea lor la exigențele actuale, conformarea la normele materiale și procesuale contribuie la îmbunătățirea procesului de reglementare juridică a respectivului fenomen juridic.

Referințe bibliografice

1. Anghel I.M., Deak Fr., Popa M.F. Răspunderea civilă. București, 1970.
2. Avornic Gheorghe. Tratat de teoria generală a statului și dreptului. Vol. II, Chișinău, 2010.
3. Baltag D. Teoria generală a dreptului. Chișinău, 2013.
4. Barac L. Elemente de teoria dreptului. Ediția a III-a, București: Ed. C.H.Beck, 2013.
5. Costin M. Răspunderea juridică în dreptul Republicii Socialiste România. Cluj Napoca: Ed. Dacia, 1974.
6. Eliescu M. Răspunderea civilă

delictuală. București: Ed. Academiei RSR, 1972.

7. Iorgovan A. Tratat de drept administrativ. Vol. II, ed. a IV-a. București: Ed. All Beck, 2005.

8. Pop L., Popa F.I., Vidu S.T. Tratat elementar de drept civil. Obligațiile. București: Ed. Universul Juridic, 2012.

CONSTATAREA SEMNELOR INFRAȚIUNII ȘI PORNIREA URMĂRIIRII PENALE ÎN CAZURI DE TRAFICARE A COPIILOR, PE BAZA INFORMAȚIILOR OBTINUTE DIN MĂSURILE SPECIALE DE INVESTIGAȚIE

Dinu OSTAVCIUC,

doctorand, șef al Direcției urmărire penală a Departamentului Poliției de Frontieră a MAI

SUMMARY

Detection of the elements of the child trafficking related crime, detection in flagrante delicto, immediate initiation of the criminal investigation are the key to a successful investigation in order to ascertain all the circumstances and to finally decide upon continuing the criminal investigation or to file the criminal case. An important part in this process is assigned to the special investigation measures.

Key words: detection of the crime elements, trafficking in children, aspects of initiation of the criminal investigation, special investigation measures

REZUMAT

Depistarea elementelor infracțiunii de trafic de copii, descoperirea infracțiunii în flagrant delict, pornirea imediată a urmăririi penale sînt cheia succesului cercetării în vederea constatării tuturor circumstanțelor, ca în final să se decidă continuarea urmăririi penale sau casarea cauzei penale. Un rol destul de important în acest proces li se atribuie măsurilor speciale de investigații.

Cuvinte-cheie: depistarea elementelor infracțiunii, trafic de copii, particularitățile pornirii urmăririi penale, măsuri speciale de investigație

Introducere. Procesul de stabilire a semnelor infracțiunii este unul primordial și deschide posibilități de adoptare a deciziilor la etapa premergătoare urmăririi penale: este cazul sau nu de a începe urmărirea penală ori, în general, de a porni sau nu procesul penal. Traficul de copii constituie o infracțiune complexă, mecanismul de săvîrșire al cărei implică subiecți multipli în diferite calități ale participației penale. Astfel, pe lîngă necesitatea administrării informației parvenite din plîngeri, denunțuri etc., este necesară și respectarea reglementărilor procesuale pentru a nu prejudicia ulterioara activitate de cercetare (informațiile obținute pe cale extraprocusuale nu au valoare probatorie – cauza Mătăsaru și Savițchi contra Moldovei [11]).

Grație modificărilor și completărilor efectuate în art. 1 și în art. 279 din Codul de procedură penală (CPP) al R. Moldova, procesul penal se consideră început din momentul sesizării sau autosesizării organului competent despre pregătirea sau săvîrșirea unei infracțiuni,

moment din care pot fi efectuate toate acțiunile de urmărire penală, cu excepția celor autorizate de judecătorul de instrucție și cu excepția aplicării măsurilor procesuale de constrîngere. Datorită modificărilor survenite, faza de pînă la pornirea urmăririi penale a fost legalizată și, respectiv, probațiunea capătă un caracter legal.

Scopul articolului este evidențierea rolului informațiilor obținute din măsurile speciale de investigație la depistarea semnelor infracțiunii și a particularităților pornirii urmăririi penale în cazul traficului de copii.

Metode aplicate și materiale utilizate. Pe lîngă metodele logice de cunoaștere (analiza, sinteza, inducția și deducția) a fenomenului traficului de copii în R. Moldova, la baza cercetării au fost luate multiplele cauze penale investigate de autor, insuccesul sau succesul obținut la diferite etape ale investigației, precum și modul în care au fost apreciate ulterior probele în instanțele judecătorești. Aceste analize au permis stabilirea obiectivelor clare și creșterea capacităților

instituționale ale organelor de urmărire penală.

Rezultate obținute și discuții. Rezultatele obținute se materializează în recomandările practice oferite ofițerilor de urmărire penală și procurorilor atît sub aspect tactic, cît și sub aspect procesual-penal.

Codul de procedură penală, prin alin. (1) al art. 274, stipulează că organul de urmărire penală sau procurorul sesizat în modul prevăzut în art. 262 și art. 273 ale legii procesual-penale dispune, în termen de 30 de zile, prin ordonanță, începerea urmăririi penale în cazul în care, din cuprinsul actului de sesizare sau al actelor de constatare, rezultă o bănuială rezonabilă că a fost săvîrșită o infracțiune și nu există vreuna dintre circumstanțele care exclud urmărirea penală, informînd despre aceasta persoana care a înaintat sesizarea sau organul respectiv.

Depistarea elementelor infracțiunii de trafic de copii, a infracțiunii în flagrant delict, pornirea imediată a urmăririi penale sînt cheia succesului cercetării în vederea constatării tuturor circumstanțelor, ca în

final să se decidă continuarea urmării penale sau casarea cauzei penale. Un rol important în acest proces li se atribuie măsurilor speciale de investigație.

Activitatea specială de investigație în cazurile de trafic de copii trebuie privită sub două aspecte. Autorul A. Kolesov acordă atenția primordială elementelor ce țin de racolarea persoanelor, pentru exploatarea lor ulterioară, prin înșelăciune care se referă la condiții bune de muncă sau de plată (în cazul în care nu este vorba de muncă). Scopul măsurilor speciale de investigație este identificarea persoanelor care rcolează, transportă, cumpără și a celor care folosesc sclavia persoanelor în scopuri de exploatare sexuală, în prostituție, cerșit, transplant de organe etc. [14, p. 86-87].

Analiza efectuată și practica personală demonstrează că organele de drept, în cazurile de trafic de copii, folosesc cel mai des următoarele activități speciale de investigație: chestionarea; culegerea informațiilor despre persoane și fapte; identificarea persoanei; identificarea abonatului, proprietarului sau a utilizatorului unui sistem de comunicații electronice ori al unui punct de acces la un sistem informatic; urmărirea vizuală; investigația sub acoperire; cercetarea obiectelor și documentelor; culegerea informațiilor de la furnizorii de servicii de comunicații electronice.

Practica denotă că cel mai efectiv instrument de cercetare al traficului de minori este *culegerea informației despre persoane și fapte*, deoarece, în primul rând, sînt dese cazurile cînd victimele infracțiunii nu doresc să colaboreze cu organele de drept și, respectiv, nu sesizează organul de urmărire penală sau dacă îl sesizează, pot ascunde mai multe aspecte, fie că nu cunosc unele circumstanțe importante ale infracțiunii, fie le este frică sau rușine. În al doilea rînd, organul de constatare sau cel care

înfăptuiește activitatea specială de investigații și organul de urmărire penală au o funcție activă în vederea constatării indicilor infracțiunii și cercetării ulterioare a cauzei în mod obiectiv și complet.

Identificarea faptelor infracționale la inițiativa ofițerilor de investigație presupune efectuarea de către aceștia a măsurilor speciale de investigație bine stabilite și bine planificate. Astfel, pentru preîntîmpinarea problemei de neplanificare corectă a activității și pentru întreprinderea măsurilor corespunzătoare, nu se limitează doar la cunoașterea faptului respectiv, ci se ia în vedere și corectitudinea efectuării acestor măsuri, ținîndu-se cont de tactica înfăptuirii lor, nu în ultimul rînd, de aspectele legale ce permit efectuarea acestor măsuri. Cu alte cuvinte, măsurile speciale de investigație trebuie efectuate cu respectarea strictă a legii și cu mare prudență, or orice informație, orice probă care a fost acumulată cu încălcarea drepturilor și libertăților omului sînt nule și se consideră inexistente.

Chestionarea, culegerea de informații despre persoane și fapte, cercetarea obiectelor și documentelor sînt măsuri speciale de investigație care se efectuează, de regulă, pe orice cauză de trafic de copii și în urma acestora se obțin informații importante, care servesc drept temei de constatare a bănuielii rezonabile despre comiterea infracțiunii respective și poate începe urmărirea penală. Ulterior, informația servește pentru identificarea și citarea părților, pentru efectuarea audierilor în cadrul urmării penale, pentru examinarea obiectelor și documentelor care ulterior sînt recunoscute în calitate de corpuri delictive în cauza penală, pentru identificarea victimelor și a infractorilor, pentru stabilirea faptului de traversare a frontierei de stat, procurării biletelor, primirii documentelor, informații cu privire la obținerea vizelor etc.

Chestionarea constă în comunicarea nemijlocită a ofițerului de investigații și a altor persoane împuternicite de către acesta cu persoanele care posedă sau care dispun de informații despre fapte, evenimente, circumstanțe sau subiecți care prezintă interes în cazul traficului de copii. Astfel, chestionarea persoanelor care au sesizat sau care posedă informații referitoare la traficul de copii este o măsură specială importantă, deoarece prin intermediul acesteia se pot acumula informații cu privire la recrutare, transportare, transfer, adăpostire, primire a copilului. În timpul chestionării este necesar a utiliza metoda „cronologiei inverse” [14, p. 98], adică se va stabili locul unde a fost exploatată victima, timpul și locul adăpostirii ei, timpul și locul transferului, al transportării, cu ce mijloace de transport și în ce formă, iar în final – metoda, timpul și locul recrutării, persoanele implicate în traficul de copii. În cazul în care se chestionează rudele apropiate, prietenii sau vecinii, se va încerca de a se stabili data dispariției sau plecării minorului. Totodată, se va încerca de a determina cu exactitate toate evenimentele care au avut loc în ziua dispariției sau plecării acestuia. Cu ajutorul chestionării se pot obține date referitoare la cercul de prieteni ai victimei, la relațiile acesteia cu rudele și vecinii, informații cu privire la potențialii infractori, date despre circumstanțele comiterii infracțiunii etc.

Așadar, folosirea chestionării în cazul traficului de copii are o însemnătate specifică, deoarece prin intermediul acesteia pot fi obținute date referitoare la traversarea frontierei Republicii Moldova, cu ce mijloace de transport a fost transportat minorul, în ce condiții. Tot la acestea se referă informația cu privire la persoanele care au însoțit minorul la primirea pașaportului, a vizei, informații privind biletele cumpărate de la companiile aeriene sau feroviare. Această măsură

se efectuează și cu scopul aflării informației cu privire la persoanele implicate (pot fi persoane care eliberează pașapoartele, lucrători ai ambasadelor, consulatelor, vameșii, polițiștii de frontieră etc.).

Cercetarea obiectelor și documentelor constă în aprecierea acestora din punct de vedere științific, pentru a depista semnele activității criminale, în studierea conținutului, în contrapunerea cu alte obiecte și acte necesare pentru determinarea realității obiective. În cazul traficului de copii, aceasta presupune examinarea propriu-zisă a documentelor în baza cărora s-a eliberat viză minorului, fie în baza cărora i s-a eliberat pașaportul, eliberarea procurilor, acordul părinților sau persoanei în îngrijirea căreia se află copilul, examinarea informațiilor din bazele de date, a înscrisurilor din agende etc.

A doua, după consecutivitatea folosirii măsurilor speciale de investigație în cazul traficului de copii, este *urmărirea vizuală*, care reprezintă relevarea și fixarea acțiunilor persoanei, a unor imobile, a mijloacelor de transport și a altor obiecte. Această măsură permite a stabili legăturile infractorilor, locurile de înfălțire, mijloacele de transport utilizate. Una dintre sarcinile primordiale ale urmăririi vizuale este identificarea locurilor de deținere sau adăpostire a minorilor recrutați ori exploatați, precum și existența pazei locurilor respective. Rezultatele urmăririi vizuale stau la baza planificării reținerii infractorilor, examinării și perchezițiilor ce urmează a fi efectuate în încăperile respective. În același timp, în urma efectuării urmăririi vizuale pot fi acumulate informații semnificative ce vor duce la depistarea și identificarea tuturor complicilor infracțiunii, a minorului, a locului de exploatare a acestuia, iar aceste informații, într-un final, servesc drept temei pentru pornirea urmăririi penale și acumularea unor probe materiale utile.

Investigația sub acoperire este o măsură specială foarte eficientă, în urma căreia se obțin informații veridice despre: persoanele implicate, identitatea acestora, faptele comise, mecanismul săvârșirii acțiunilor criminale, locul comiterii crimei, traseul parcurs de infractori etc. Drept exemplu în acest sens pot servi datele din cauza penală nr. 2011515042, pornită la 16.02.2011, în baza lit. b) a alin. (2) al art. 206 Cod penal, pe faptul recrutării mai multor minori, în scopul prestării serviciilor homosexuale. Datorită informațiilor, a fost infiltrată o persoană cu legenda precum că ea este potențialul beneficiar de servicii, în urma cărui fapt au fost reținuți infractorii, inclusiv cetățeni străini, identificate victimele infracțiunii, stabilit locul și timpul recrutării minorilor, locul exploatarea lor sexuale, mecanismul comiterii infracțiunii, fapte ce au servit atât ca temei pentru începerea urmăririi penale, cât și ca probe materiale în cursul urmăririi penale. Toate persoanele vinovate au fost condamnate [13].

În urma analizei efectuate se constată că pentru stabilirea semnelor infracțiunii de trafic de copii, precum și pentru acumularea materialelor necesare pornirii urmăririi penale se efectuau des *culegeri de informații de la instituțiile de telecomunicații*, ca măsură specială de investigație (pentru moment, această măsură specială poate fi efectuată doar în cadrul urmăririi penale). Dacă în multe cazuri informațiile obținute în urma acestor măsuri speciale erau folosite ca probe suplimentare informațiilor deja obținute prin alte măsuri speciale de investigație, atunci în unele cazuri aceste informații serveau ca bază pentru pornirea cauzei penale și ulterior ca probe de bază. Un exemplu elocvent este cazul unui minor de 14 ani care, fiind recrutat prin constrângere psihică și profitându-se de imposibilitatea acestuia de a se apăra sau de aș-i exprima

voința, a fost exploatat sexual în industria pornografică. Persoana vinovată, prin intermediul programului specializat „GigaTribe”, a exportat materialele cu pornografie infantilă în rețeaua globală Internet. Grație folosirii culegerii de informații de la instituțiile de telecomunicații, a fost posibil de a stabili IP-ul, utilizatorul, iar ulterior și locul exploatarea sexuale, au fost identificați infractorii, care s-au dovedit a fi și cetățeni ai Italiei, modalitatea de comercializare a pornografiei infantile, precum și alte aspecte importante atât pentru pornirea cauzei penale, cât și pentru ulterioara dovedire a vinovăției făptuitorilor [9].

Actualmente, toate măsurile speciale de investigații care lezează drepturile și libertățile omului se efectuează doar după pornirea urmăririi penale.

Este de menționat că cele mai importante direcții de stabilire a elementelor infracțiunii de trafic de copii sînt următoarele:

a) reacționarea promptă la sesizările depuse de victimele infracțiunii, de rudele lor apropiate, prieteni, organizații nestatale (neguvernamentale), instituții de stat din Republica Moldova sau de instituțiile altor state;

b) analiza informațiilor din ziare, web site-uri, în special cele de reclamă, prin care se urmărește, de fapt, recrutarea copiilor, prin activități ilegale, în diferite scopuri;

c) analiza informațiilor operative privind alte genuri de infracțiuni, grație cărora se pot stabili elementele infracțiunii de trafic de copii;

d) analiza materialelor cauzelor penale, din care, datorită tacticii efectuării unor acțiuni de urmărire penală, pot fi stabilite elementele infracțiunii de trafic de copii;

e) identificarea elementelor infracțiunii de trafic de copii prin măsuri speciale de investigație (din oficiu).

Practica denotă că, în cazul sesizărilor depuse de victimele

infrațiunilor de trafic de copii, organele de constatare efectuează – în termene cât mai restrânse – acțiunile de constatare necesare, ulterior fiind expediate organului de urmărire penală pentru a decide în ordinea art. 274 Cod procedură penală. În toate cazurile în care din actul de sesizare sau actele de constatare rezultă o bănuială rezonabilă că a fost comisă infracțiunea de trafic de copii și nu există circumstanțe care exclud urmărirea penală, organul competent începe imediat urmărirea penală, pe parcursul căreia sînt efectuate acțiuni ce nu suferă amîinare. O astfel de practică este foarte efectivă, or aceasta permite să fie identificați și reținuți traficanții în termene restrânse, fiind acumulate probe concludente, pertinente și utile, care dovedesc vinovăția acestora.

În cazul în care organele competente reacționează prompt la sesizarea depusă de rudele apropiate ale victimei, rezultatul este unul pozitiv și eficient. Drept exemplu servesc datele din cauza penală nr. 2012515108, pornită la 01.04.2012, pe faptul că, în perioada lunii noiembrie 2011, persoane neidentificate de organul de urmărire penală, aflîndu-se în raionul Rezina, satul Ignăței, acționînd cu intenție directă și urmărind scopul exploatării prin muncă a cetățeanului R. F., făcînd abuz de poziția de vulnerabilitate, manifestată prin faptul că ultimul suferă de retard mintal moderat și este invalid de gradul II, l-au transportat cu o unitate de transport în Federația Rusă, unde l-au exploatat prin muncă. Sesizarea a fost făcută de către mama victimei. În urma reacționării prompte a fost identificată victima, iar persoanele implicate au fost trase la răspundere penală.

Referitor la reacționarea promptă la sesizările depuse de prietenii victimelor, putem menționa că practica a înregistrat astfel de cazuri și în urma denunțului făcut a fost posibilă identificarea victimei

și luarea măsurilor necesare în vederea repatrierii acesteia în Republica Moldova, iar ulterior au fost efectuate acțiunile de urmărire penală necesare în vederea stabilirii faptului traficului și vinovăției făptuitorilor. O pildă în acest sens este cazul cet. E.S., care în perioada lunilor octombrie–noiembrie 2011 a fost recrutată de cîteva persoane care acționau prin înțelegere prealabilă și în scopul exploatării sexuale comerciale. Ulterior, la 21.11.2011, victima a fost transportată în orașul Dubai, EAU, sub pretextul angajării acesteia la un loc de muncă bine plătit într-un hotel, în calitate de servitoare. Ajungînd în țara de destinație, victima a fost impusă să presteze servicii sexuale contra plată mai multor clienți. După o perioadă de timp, victima a reușit să-i telefoneze unei prietene din Republica Moldova și a solicitat ajutorul acesteia, deoarece se află în robie sexuală. Deja prietena a sesizat Centrul pentru combaterea traficului de persoane, care, în comun cu organizația neguvernamentală OIM, a localizat victima în țara de destinație și aceasta a fost repatriată în RM, unde a depus mărturiile necesare și ulterior au fost acumulate probe concludente pentru a dovedi vinovăția infractorilor [6].

În practică au fost înregistrate, de asemenea, cazuri în care sesizarea făcută de organizațiile neguvernamentale a servit ca temei pentru începerea urmăririi penale, a fost posibilă efectuarea acțiunilor de urmărire penală necesare, stabilirea circumstanțelor săvîrșirii infracțiunii și acumularea probelor ce dovedesc vinovăția traficanților. Un exemplu este sesizarea depusă la 27.09.2011 de Organizația Internațională „La Strada” Centrului de combatere a traficului de persoane, potrivit căreia un cetățean al Italiei, prin înțelegere prealabilă și de comun acord cu alte persoane, aflîndu-se în mun. Chișinău, sub pretextul că a venit în Republica Moldova cu misiunea de a selecta

copii din mediul social vulnerabil pentru a-i ajuta pe aceștia să-și facă o carieră de fotbaliști, a recrutat un minor de 11 ani în scop de exploatare sexuală. Grație sesizării depuse, s-au efectuat măsurile speciale de investigație și acțiunile de urmărire penală necesare, în urma cărora infractorul a fost reținut în flagrant delict [4].

În scopul depistării elementelor infracțiunii de trafic de copii, este necesar a analiza informațiile din ziare, web site-uri, în special cele de reclamă, prin care de fapt se urmărește recrutarea copiilor în diferite scopuri (exploatare prin muncă, sexuală, cerșit, industrie pornografică, prostituție etc.). Aceste informații pot servi ca bază pentru inițierea măsurilor speciale de investigație, care ulterior servesc la sesizarea organului de urmărire penală și drept temei pentru începerea urmăririi penale.

Astfel, analizînd informația redată de „tnea.info” cu referire la publicația oficială a Radei Supreme „Vocea Ucrainei”, urmată de informația prezentată de sursa națională „UNIMEDIA” [12], și ulterior efectuînd măsuri speciale de investigație, care au servit ca temei pentru începerea urmăririi penale, s-a constatat că, în perioada februarie 2011 – februarie 2012, un grup de persoane, urmărind scopul exploatării prin muncă și servicii forțate, folosindu-se de poziția de vulnerabilitate a victimelor, manifestată prin situația materială precară, prin înșelăciune, sub pretextul angajării la un loc de muncă bine plătit, au recrutat și au transportat în satul Tavria, raionul Skadovsk, regiunea Herson, Ucraina, un grup de 57 de persoane din RM, inclusiv minori. Ajungînd în locul menționat, traficanții au deposedat victimele de toate actele, inclusiv de pașapoartele lor naționale, și folosindu-se de poziția lor de vulnerabilitate manifestată prin faptul aflării pe teritoriul altui stat, în lipsa de acte și mijloa-

ce necesare pentru existență, i-au adăpostit și, prin amenințări cu aplicarea violenței fizice și psihice, au fost impuși forțat să presteze diferite lucrări agricole, în special la plantațiile de tutun, neachitându-le salariile promise. Ulterior, cu ajutorul organizației OIM din Ucraina și din Republica Moldova, cele 57 de victime au fost repatriate [8].

Potrivit prevederilor alin. (1) al art. 254 Cod procedură penală, organul de urmărire penală este obligat să ia toate măsurile prevăzute de lege pentru cercetarea sub toate aspectele, completă și obiectivă a circumstanțelor cauzei pentru stabilirea adevărului. În același timp, conform dispoziției alin. (3) al art. 262 CPP, în cazul depistării infracțiunii nemijlocit de către lucrătorul organului de urmărire penală, acesta întocmește un raport în care expune circumstanțele depistate și dispune înregistrarea infracțiunii. La fel, potrivit cerințelor alin. (2) al art. 274 CPP, în cazul în care organul de urmărire penală se autosesizează în privința începerii urmăririi penale, el întocmește un proces-verbal în care consemnează cele constatate privitor la infracțiunea depistată, apoi, prin ordonanță, dispune începerea urmăririi penale.

Cele descrise obligă ofițerul de urmărire penală și procurorul, ori de câte ori aceștia depistează nemijlocit elementele infracțiunii de trafic de copii, să se autosesizeze și să înceapă urmărirea penală. Astfel, modalitatea respectivă de sesizare și este temei de începere a urmăririi penale. Practica denotă că această obligație este respectată de către organul de urmărire penală. Un exemplu este cazul când ofițerul de urmărire penală, cercetând un caz de trafic de ființe umane, în urma acțiunilor de urmărire penală efectuate, în special în urma audierii părților vătămate și a martorilor, a constatat că, în perioada iunie 2011 – ianuarie 2012, cet. A.D., acționând de comun acord și prin înțelegere pre-

alabilă cu alte persoane, urmărind scopul exploatarei sexuale comerciale, împărțind între ei rolurile, au recrutat-o pe B.D. pentru practicarea prostituției în Cipru (regiunea de nord). Ulterior, cet. A.D., acționând împreună cu alte persoane, prin înșelăciune și abuz de poziție de vulnerabilitate a B.D., au organizat transportarea ultimei, în luna iulie 2011, în Cipru, unde victima a fost exploatată sexual pînă în luna ianuarie 2012 [10].

Există cazuri în care ofițerii de investigație, efectuînd măsuri speciale de investigație pe alte cauze penale sau pe dosarele speciale pornite pe alte genuri de infracțiuni, fie chiar și pe cele de trafic de persoane, depistează elementele unei noi infracțiuni, ceea ce este specific și pentru traficul de copii. În urma analizei efectuate, am stabilit că, efectuîndu-se interceptarea convorbirilor telefonice ale unei persoane din penitenciar, s-au obținut date despre comiterea unei infracțiuni de trafic. Ulterior, efectuînd și alte măsuri, informația s-a adeverit și ca urmare s-a constatat că, în luna iulie 2010, cet. J.V., împreună și prin înțelegere prealabilă cu cetățeanul Albaniei E.N. și alte persoane neidentificate, intenționat, din interes material, sub pretextul angajării la un lucru bine plătit în orașul Barcelona, Spania, au recrutat-o pe E.R., ulterior prin acordarea sumei de 3000 euro i-au organizat transportarea în orașul menționat. Ajungînd la Barcelona, Spania, cet. E.R. a fost adăpostită într-un apartament, unde i-a fost retras pașaportul și, în scopul întoarcerii unei datorii în sumă de 8000 de euro, a fost impusă să presteze servicii sexuale contra plată sub patronajul lui J.V., E.N. și al altor persoane neidentificate. Pe cazul dat a fost pornită o altă cauză penală, în care au fost acumulate probe concludente, utile și pertinente pentru dovedirea vinovației făptuitorilor [5].

Cel mai des elementele infracțiunii de trafic de copii sînt

stabilite anume prin înfăptuirea măsurilor speciale de investigație, fără a avea sesizări în această privință de la victime, rude, prieteni, organizații etc. Drept exemplu poate servi cazul când, datorită informațiilor și măsurilor speciale de investigație, s-a constatat că un grup criminal organizat, format din cetățeni ai Republicii Moldova și ai Italiei, traficează minori în scopul exploatarei sexuale comerciale. Astfel, a fost sesizat organul de urmărire penală instituit în cadrul Centrului pentru combaterea traficului de persoane, care, avînd temei legal, a început urmărirea penală, iar pe parcursul urmăririi penale materialele operative au avut o valoare probantă de bază și faptele de trafic de copii s-au adeverit [7]. De menționat că drept temei de pornire a urmăririi penale, după cum am relatat mai sus, a servit în exclusivitate doar informațiile obținute pe cale operativă. Victimele în momentul întreprinderii măsurilor speciale de investigație și pornirii urmăririi penale ulterioare se aflau în Italia și, respectiv, nu au depus la acel moment plîngerii.

Ajungem la concluzia că izvorul informațiilor care pot să se refere la traficul de copii și care, de fapt, pot servi ca bază la stabilirea elementelor infracțiunii respective, precum și ca temei pentru pornirea cauzei penale, pot surveni din:

a) anunțurile de reclamă, prin care se propune muncă avantajoasă peste hotarele țării;

b) reclama referitoare la acordarea unor servicii dubioase în timpul petrecerilor în saune, saloane de masaj, cluburi de noapte etc.;

c) bazele de date, registre, carnetele etc. ale secțiilor de vize ale ambasadelor și consulatelor, precum și ale firmelor care se ocupă cu servicii turistice, cu angajări în muncă peste hotare, precum și angajații acestor firme, ai consulatelor ș.a.;

d) angajații saunelor, saloanelor de masaj, hotelurilor, barurilor,

cluburilor de noapte, agențiilor de reclamă, persoane care dau în chirie apartamente, lucrătorii birourilor de documentare a populației, cei ai aeroportului, căii ferate etc.;

e) lucrătorii organizațiilor neguvernamentale la care s-au adresat victimele sau rudele acestora sau alte persoane cărora le-a fost cunoscut un caz de trafic de copii;

f) alte persoane care, grație activității lor sau înfăptuitor, au obținut informație referitoare la faptele de trafic de copii [14, p. 96-97].

Descoperirea faptei infracționale poate fi la inițiativa victimelor sau a rudelor acestora, persoanelor terțe sau a angajaților organelor de drept. În cazul parvenirii plîngerii, victima urmează a fi chestionată detaliat, cu stabilirea tuturor circumstanțelor răpirii sau racolării, transportării, vînzării-cumpărării și exploatării prin muncă, fie sclaviei acesteia. La fel, este necesar a fi efectuată constatarea medico-legală pentru stabilirea vătămarilor corporale etc. După aceasta, este necesar a lua măsuri în vederea asigurării protecției victimei, precum și rudelor acesteia (de altfel sînt condiții legale ce rezidă din prevederile Legii nr. 241 din 20.10.2005).

După cum ne arată practica, subiecții activității infracționale și persoanele ce au legătură cu aceștia se străduiesc să influențeze victima traficului de persoane, precum și rudele acesteia. Neluarea măsurilor de protecție a victimelor și martorilor duce la contactul lor cu infractorii, iar aceasta, la rîndul său, influențează spre schimbarea declarațiilor anterioare ale victimelor sau martorilor. În cazul în care măsurile de protecție a victimelor sau martorilor nu sînt luate la timp, apar circumstanțe dificile pentru pornirea cauzei penale [14, p. 83-84].

Destul de specifică este cercetarea la etapa inițială, în situația în care despre săvîrșirea acestei infracțiuni sesizează rudele victimelor, mai cu seamă în țara de ori-

gine a victimei. Problemele de bază la etapa cercetării inițiale constau în dovedirea următoarelor aspecte:

- faptul contactului victimei cu presupusul infractor;

- dacă este posibil, scopul traficării;

- faptul traversării de către victimă a frontierei Republicii Moldova, punctele prin care a ieșit din țară, cu ce persoane, cu ce transport;

- faptul obținerii vizei, documentele care au stat la baza eliberării acestei vize, fie faptul procurării biletelor de avion, tren etc.;

- faptul transportării victimei peste hotarele țării;

- faptul sosirii victimei în țara de destinație;

- faptul exploatării victimei în țara de destinație etc.

În cazul parvenirii sesizării de la rude, trebuie de stabilit exact unde se află persoana traficată, de efectuat un șir de măsuri speciale de investigație, de obținut mărturii despre existența traficului și a exploatării, de folosit acestea drept temelie pentru începerea urmăririi penale.

Nu se exclude situația în care, în urma sesizării de către rude privind dispariția fără urmă a persoanei, va fi pornită cauza penală în baza elementelor altor infracțiuni, cum ar fi, de exemplu, pe omor, și toate măsurile investigativ-operative să capete un caracter de urmărire a potențialilor ucigași, dar nu a traficanților [14, p. 84].

În practică pot fi întîlnite situații cînd despre comiterea infracțiunii de trafic de persoane poate sesiza o organizație neguvernamentală, care a identificat victima, fie la care victima s-a adresat. Aportul angajaților organizației neguvernamentale în această situație este unul bine-venit, fiindcă aceștia pot stabili raportul de încredere între victimă și organul de urmărire penală.

Analiza practicii în domeniul combaterii traficului de copii a

identificat următoarele activități care sînt întreprinse la faza premergătoare urmăririi penale, întru stabilirea elementelor infracțiunii, și ulterioara sesizare a organului de urmărire penală pentru a începe urmărirea penală. Astfel, la obținerea informațiilor operative despre pregătirea, fapta în curs de săvîrșire sau comiterea traficului de copii, lucrătorii operativi înregistrează informația în Registrul nr. 2 – Registrul de evidență a altor informații cu privire la infracțiune și incidente.

Ulterior, organul de constatare se deplasează la domiciliul presupusei victime, se stabilesc rudele, prietenii, vecinii, persoanele din anturajul ei, în special cei cu care victima se presupune că s-a aflat împreună în ziua sau aproximativ în perioada recrutării. Nu în ultimul rînd, se acumulează informații necesare în vederea caracteristicilor și caracterizării personalității victimei, informația despre istoria vieții acesteia, precum și alte informații utile.

Concomitent cu aceasta, se verifică traversarea frontierei de stat, în scopul de a se obține informații referitoare la faptul dacă victima a ieșit din Republica Moldova, în ce direcție, cu cine și cu ce transport.

Prin Misiunea EUBAM se verifică informația dacă victima nu a părăsit țara prin segmentul regiunii transnistrene, care de fapt este un segment necontrolat de autoritățile Republicii Moldova. Totuși, lucrătorii organelor autoproclamatei republici nistrene uneori prestează informații despre unele persoane care au traversat segmentul dat spre Ucraina sau se află pe teritoriul Transnistriei.

În același timp, sînt interpelate companiile aeriene și cele feroviare, pentru stabilirea modului de procurare a biletelor. În urma acestei activități se pot obține date referitoare la faptul dacă biletul a fost procurat de către traficanți din țările de destinație sau nemijlocit

de către presupusa victimă, la fel și informații cu privire la direcțiile de deplasare, chiar pînă în punctul final de destinație a victimei.

Prin intermediul organizațiilor Interpol sau, după caz, SELEC, sînt verificate țările de destinație de bază ale traficului de persoane (cum sînt, de exemplu, Turcia, EAU, regiunea de nord a Ciprului etc.). În acest caz, putem obține informații cu privire la intrarea victimelor pe teritoriul acestor țări.

Prin intermediul OIM se verifică dacă, din momentul plecării din țară, victima presupusă nu a fost identificată de către organizații internaționale ca victimă a traficului de ființe umane în țările de destinație. Astfel de acțiuni sînt des utilizate în practica moldovenească și dau un rezultat sporadic. Drept exemplu în acest sens poate servi informația din materialele cauzei penale nr. 2011515203, unde prin intermediul OIM au fost verificate țările de destinație a victimelor de trafic de ființe umane, ca urmare victima a fost identificată, localizată și repatriată în RM.

Totodată, sînt interpelate consulatele, ambasadetele și se verifică în baza cărora documente a fost eliberată viza, pe ce perioadă și în ce țară, cu cine a venit minorul să primească pașaportul cu viza, precum și alte informații în acest sens. În același timp, este interpelat Ministerul Dezvoltării Informaționale referitor la eliberarea pașaportului, ce acte au stat la baza perfectării documentelor, cine a venit cu minorul să se fotografieze, să-și depună actele și, în final, cine a însoțit copilul la eliberarea pașaportului.

Prin intermediul bazelor de date se ridică fișa personală a victimei, a presupusului infractor, informația cu privire la traversarea frontierei de stat de către ultimul, informația cu privire la transportul pe care îl deține și dacă a traversat frontiera cu mijlocul său de transport.

Paralel cu acestea, se efectuează un șir de măsuri speciale de in-

vestigație, pe care le-am enumerat mai sus, precum și diverse acțiuni (analiza comunicatelor de presă, a ziarelor, verificarea cluburilor de noapte, a personalului saunelor, agențiilor turistice, saloanelor de masaj etc.) și, în urma acumulării informațiilor, acestea sînt analizate prin prisma stabilirii elementelor traficului de copii și ulterior este sesizat organul de urmărire penală.

Acesta, la rîndul său, conform prevederilor alin. (1) al art. 274 Cod de procedură penală, în cazul în care din cuprinsul actului de sesizare sau al actelor de constatare rezultă bănuiala rezonabilă că a fost comisă infracțiunea de trafic de copii și nu există circumstanțe care exclud urmărirea penală, organul de urmărire penală este obligat să înceapă urmărirea penală imediat.

Recenzent:

R. COJOCARU,
doctor în drept,
conferențiar universitar

Referințe bibliografice

1. Codul de procedură penală al Republicii Moldova, cu modificările și completările ulterioare.
2. Legea nr. 241 din 20.10.2005 privind prevenirea și combaterea traficului de ființe umane.
3. Legea nr. 59 din 29.03.2012 privind activitatea specială de investigații.
4. Cauza penală nr. 2010515213, pornită la 28.10.2010.
5. Cauza penală nr. 2011515311, pornit la 11.04.2011.
6. Cauza penală nr. 2011515289, pornită la 30.11.2011.
7. Cauza penală nr. 2012515041, pornită la 08.02.2012.
8. Cauza penală nr. 2012515080, pornită la 05.03.2012.
9. Cauza penală nr. 2012515088, pornită la 14.03.2012.
10. Cauza penală nr. 2012515141, pornită la 24.05.2012.
11. Hotărîrea CtEDO *Mătășaru și Savișchi contra Moldovei* din 02.11.2010 (cererea 38281/08);
12. <http://unimedia.md/?mod=news&id=44490>
13. Sentința Judecătorei Centru mun. Chișinău din 28.05.2012, emisă în Dosarul penal nr. 1-523/11.
14. Колесов А. Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми, использования рабского труда и связанных с ними преступлений. Нижний Новгород, 2010, 271 с.

SISTEMUL ARMONIZAT DE DESCRIERE ȘI CODIFICARE A MĂRFURILOR CA FACTOR DETERMINANT ÎN FACILITAREA ȘI DEZVOLTAREA COMERȚULUI EXTERN

Pavel ȚURCAN,

magistru în drept, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea de Drept

SUMMARY

The range of products manufactured and marketed lists tens of thousands of various types and varieties of goods. Every year their number is growing, driven by renewed progress extends the range of textiles and apparel and footwear products, with the development of science and technology appear in new products that require sophisticated production, new types of materials created in industry cleaning.

Due to the difficulties caused by the use of different classification principles in international commodity classifications, there was need for a single international classifier that could be used by all countries, the registration of participants in foreign economic relations import-export operations at customs. This was developed "The Harmonized Commodity Description and Coding".

Key words: Harmonized system, nomenclature of goods, subheadings, trade intonation, mobile goods, code number, Harmonized System Nomenclature

REZUMAT

Gama de produse fabricate și comercializate enumeră zeci de mii de cele mai diverse tipuri și varietăți de mărfuri. În fiecare an, numărul lor este în creștere, sub influența progresului se extinde și se reînnoiește gama textilelor și produselor de îmbrăcăminte și încălțăminte, odată cu dezvoltarea științei și tehnicii apar produse noi care necesită sisteme complicate de producere, noi tipuri de materiale create în industria chimică.

Dificultățile cauzate de utilizarea diferitor principii de clasificare în nomenclatoarele de mărfuri internaționale au creat necesitatea elaborării unui clasificator internațional unic, care ar putea fi utilizat de toate țările la înregistrarea participanților la relațiile economice externe ai operațiunilor de import-export la vamă. Astfel, a fost elaborat „Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor”.

Cuvinte-cheie: sistem armonizat, nomenclator al mărfurilor, subpoziții, comerț internațional, mărfuri mobile, cod numeric, nomenclatura sistemului armonizat

Introducere. Dificultățile cauzate de utilizarea diferitor principii de clasificare în nomenclatoarele de mărfuri internaționale au creat necesitatea elaborării unui clasificator internațional unic, care ar putea fi utilizat de toate țările la înregistrarea participanților la relațiile economice externe ai operațiunilor de import-export la vamă. În prezenta cercetare s-a pus sarcina stabilirii rolului acestui clasificator, ce ar permite efectuarea analizei comerțului extern pentru produse individuale, grupuri de mărfuri și poziții.

Actualitatea temei studiate rezidă în faptul că gama de produse fabricate și comercializate enumeră zeci de mii de cele mai diverse tipuri și varietăți de mărfuri, iar în fiecare an numărul lor este în creștere, sub influența modei se extinde și se reînnoiește gama textile-

lor și produselor de îmbrăcăminte și încălțăminte. În acest sens, Sistemul armonizat a devenit principiul compatibilității datelor naționale și celor internaționale privind comerțul exterior al unei țări.

Prezentul aspect este puțin cercetat în literatura de specialitate, iar puținele studii analitice și statistice nu oferă soluții pentru problemele ce derivă din Sistemul armonizat, pentru descrierea mărfurilor, locului lor presupus în nomenclator, codului marfar și notelor nomenclatorului.

Scopul și sarcinile cercetării derivă din interesul pentru clasificarea mărfurilor, care a prezentat interes încă din timpuri îndepărtate. La început, acest interes era legat de dorința autorităților de a percepe taxe asupra mărfurilor de import sau export, iar mai târziu este legat de necesitatea de a stabili volumul

acestor mărfuri, chiar dacă erau scutite de taxe. Procesul elaborării unui nomenclator comun destinat facilitării comerțului internațional durează mai bine de o sută de ani, pe parcursul cărora au fost elaborate sisteme de clasificare utilizate atât în scopuri tarifare, cât și în scopuri statistice.

Rezultate și discuții. Gama de produse fabricate și comercializate enumeră zeci de mii de cele mai diverse tipuri și varietăți de mărfuri. În fiecare an, numărul lor este în creștere, sub influența modei se extinde și se reînnoiește gama textilelor și produselor de îmbrăcăminte și încălțăminte, odată cu dezvoltarea științei și tehnicii apar produse noi, complicate din punct de vedere tehnic, noi tipuri de materiale create în industria chimică.

În prezent, sistemul de clasificare a mărfurilor destinate comerțului

internațional se dezvoltă sub două direcții principale: intensificarea rolului Sistemului armonizat drept fundament internațional pentru clasificarea mărfurilor și dezvoltarea sistemelor naționale de clasificare a mărfurilor la nivelul unei țări luate în parte sau grupuri de țări.

Din cauza diferitor principii de clasificare existente în nomenclaturile de mărfuri internaționale, a apărut necesitatea elaborării unui clasificator internațional unic pentru toate țările la înregistrarea participanților la operațiunile de import-export.

Astfel, Belgia prezintă, între anii 1831 și 1854, statisticile comerțului său exterior pe trei grupe: materii prime, produse consumabile în starea lor naturală și articole manufacturate [5 p. 183].

Nomenclatorul utilizat de Austro-Ungaria, în tariful său din 1892, se baza pe o schemă de clasificare asemănătoare celei folosite mai târziu de Nomenclatura statistică de la Bruxelles din 1913 și de proiectul Nomenclaturii vamale din 1931 a Asociației Națiunilor Unite.

În perioada 1851-1908 s-au desfășurat un șir de congrese economice care aveau drept scop elaborarea unui nomenclator unic. Primul congres, organizat la Bruxelles în 1853, a optat pentru Nomenclatorul tarifar internațional uniform ca bază pentru nomenclatura statistică internațională.

Următoarele congrese au fost desfășurate la Haga în 1869, la Petersburg în 1872 și la Budapesta în 1876. Pentru a coordona activitatea acestor congrese, în 1885 a fost fondat Institutul Internațional de Statistică.

La 31 decembrie 1913, la Bruxelles, a fost adoptată pentru prima dată, sub forma unei Convenții, o nomenclatură statistică internațională uniformă, care a fost semnată de 29 de țări [3 p. 189].

După celui de-al Doilea Război

Mondial s-a început o nouă etapă în dezvoltarea relațiilor economice internaționale. Colaborarea statelor în domeniul vamal s-a dezvoltat sub egida Organizației Națiunilor Unite. Astfel, în 1947 a fost semnat Acordul General pentru Tarife și Comerț (GATT), iar la 15 decembrie 1950 este creat Consiliul de Cooperare Vamală (CCV).

Odată cu convenția de creare a CCV a fost semnată și Convenția cu privire la Nomenclatura pentru clasificarea mărfurilor în tarifele vamale, care a intrat în vigoare la 11 septembrie 1959, fiind cunoscută sub numele de „Nomenclatura de la Bruxelles”.

La sfârșitul anilor '60 ai sec. XX, participanții la comerțul internațional au simțit necesitatea de a raționaliza și a armoniza datele ce apăreau în documentele referitoare la comerțul extern și, în special, de a concorda descrierea și codificarea mărfurilor din diferite țări, a unităților de măsură, a modalităților de transport, a condițiilor de transport specifice anumitor mărfuri și, în primul rând, a mărfurilor comercializate. În realitate, în pofida existenței nomenclaturilor internaționale unice în scopuri statistice și tarifare, din diferite motive, aceeași marfă într-o singură operațiune comercială internațională putea fi clasificată de 17 ori sub diferite poziții până ajungea la consumatorul final. Această stare de lucruri, evident, ridica considerabil prețul mărfii, în așa fel aducând prejudicii atât consumatorilor, cât și producătorilor.

Dezvoltarea mijloacelor tehnice de prelucrare și transmitere automată a datelor a soluționat problema menționată, dar numai în cazul în care pentru identificarea mărfurilor este utilizat un cod unic, recunoscut la nivel internațional.

La începutul anilor '70, Consiliul de Cooperare Vamală a luat decizia de a înființa un grup de lucru care

ar studia posibilitățile de elaborare a unui sistem internațional unic de clasificare a mărfurilor, pentru a facilita, pe termen lung, operațiunile de comerț exterior, care urmă să răspundă simultan necesităților principale ale autorităților vamale, ale statisticilor, transportatorilor și producătorilor, mai târziu denumit „Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor”.

Elaborarea Sistemului armonizat a început în 1973 și a durat aproximativ 10 ani. La elaborarea lui a trebuit să se țină cont de nomenclaturile și sistemele de descriere a mărfurilor și urma ca Sistemul să devină util pentru scopuri atât vamale, cât și statistice.

Grupul de lucru a tins spre faptul ca clasificarea elaborată, pe de o parte, să cuprindă detaliat mărfurile aflate în circuitul internațional, iar pe de altă parte, descrierea și codificarea mărfurilor din clasificator să reflecte tehnologia de producție. În așa mod, încă de la etapa elaborării, Sistemul armonizat a fost conceput ca un nomenclator marfar multifuncțional, care să răspundă în același timp necesităților organelor vamale și fiscale, fiind construit pe principiul legăturilor maxime între comerțul exterior și statisticile producției în diferite țări.

Unul dintre principiile de bază ale Sistemului armonizat a devenit *principiul compatibilității datelor naționale și internaționale* asupra comerțului exterior al unei țări.

Pentru toată durata de elaborare a Sistemului s-a constituit un organism internațional, care a cuprins reprezentanți ai mai multor organizații, a ținut seama de toate interesele și care a propus măsurile necesare pentru punerea în aplicare a Sistemului armonizat. Comitetul Sistemului armonizat, care a fost creat de Consiliu pentru elaborarea sistemului, a trebuit să fie reprezentativ, pentru a răspunde nevoilor tuturor celor interesați în dome-

niu: vamă, statistică, transportator. În componența Comitetului Sistemului armonizat erau reprezentanți ai serviciului vamal al diferitor state, precum și reprezentanți ai mai multor organizații naționale și internaționale. În total, în componența Comitetului Sistemului armonizat și grupului său de lucru au participat reprezentanți ai 60 de țări și peste 20 de reprezentanți ai organizațiilor naționale și internaționale prin prezentarea de propuneri, observații și comentarii.

În conformitate cu principiile de bază, stabilite de grupul de lucru al Comitetului Sistemului armonizat, Sistemul urma să fie elaborat în baza clasificărilor reciproce: Nomenclurii Consiliului de Cooperare Vamală (NCCD) și Clasificării-tip pentru Comerțul Internațional (CTCI). S-a ținut cont și de alte sisteme de clasificare, dintre care: nomenclaturile tarifare sau statistice, unele având ca bază NCCD (tariful vamal japonez, nomenclatura tarifară pentru asociația latino-americană și nomenclatura liberului schimb), Nomenclatura de mărfuri pentru statistica comerțului exterior a Comunității Europene și a comerțului exterior între statele sale membre, nomenclaturi cu caracter original, cum a fost tariful vamal al SUA, Nomenclatura uniformă a mărfurilor Uniunii Internaționale a Căilor Ferate, a Uniunii Internaționale de Transport Aerian, tarifele pentru cheltuielile Asociației liniilor de navigație transatlantică a indiciilor occidentale.

În iunie 1983, Consiliul de Cooperare Vamală practic a finalizat activitățile de pregătire pentru elaborarea Sistemului armonizat. Paralel cu elaborarea acestuia, s-a pregătit textul Convenției privind aplicarea lui. La sesiunile 61/62 din iunie 1983, Consiliul de Cooperare Vamală a aprobat varianta finală a proiectului Convenției

Internaționale cu privire la Sistemul Armonizat de Descriere și Codificare a Mărfurilor și a dispus semnarea convenției.

Inițial, Consiliul de Cooperare Vamală intenționa să pună în vigoare convenția la 01.01.1985. Însă impedimente de ordin administrativ și negocierile cu privire la problemele de aplicare a art. XXVIII din GATT, dictate de necesitatea transferării tarifelor la Sistemul armonizat, au amânat termenul. Noua dată de intrare în vigoare a Convenției a fost stabilită pentru 01.01.1988.

Pentru asigurarea îndeplinirii acestui scop, Consiliul de Cooperare Vamală, în iunie 1986, la sesiunile 67/68, a aprobat Protocolul modificărilor Convenției Sistemului armonizat, unde era prevăzut că pentru intrarea în vigoare a Convenției este necesar un număr anumit de state care s-o semneze. Când s-a ajuns la numărul necesar de state (în iunie 1986 – 17 la număr), Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor a intrat în vigoare la 1 ianuarie 1988.

La elaborarea Sistemului armonizat, grupul de lucru s-a condus de două principii de bază privind selectarea mărfurilor în grupe, și anume: marfa trebuie să aibă un semn distinctiv independent și să prezinte interes cel puțin pentru câteva țări. În acest sens au fost utilizate datele statistice internaționale și naționale cu privire la comerțul extern al diferitor țări.

Fiecare țară ce a luat parte la elaborarea Sistemului armonizat avea posibilitatea să introducă propunerile sale referitor la descrierea mărfurilor, la locul lor presupus în nomenclator, la codul marfar și notele nomenclatorului. Propunerile parvenite de la diferite țări au fost discutate ulterior de grupurile de experți și transmise grupului de lucru. Problema de atribuire a mărfii la o grupă sau alta și de atribuire a

codului numeric era rezolvată prin votarea cu simpla majoritate.

În Sistemul armonizat sînt clasificate orice mărfuri mobile, avînd o formă materială, care trec peste frontiera a două sau mai multe țări, fiind grupate într-un număr de diviziuni; grupe, subgrupe, poziții și subpoziții [7, p. 99].

Părțile contractante la Convenția [2] elaborată sub coordonarea Consiliului de Cooperare Vamală au încheiat această convenție urmărind:

- facilitarea comerțului internațional;

- simplificarea procedurii privind culegerea, compararea și analiza datelor statistice;

- reducerea cheltuielilor dictate de necesitatea de a atribui mărfurilor o altă denumire, o nouă clasificare și o nouă codificare;

- evoluția tehnicilor și a structurilor comerțului internațional (acest fapt a dispus modificări importante în Convenția privind Nomenclatura pentru clasificarea mărfurilor în tarifele vamale, încheiată la Bruxelles la 15 decembrie 1950);

- considerarea gradului de detalieri, cerut în scopuri tarifare și statistice, care îl depășește cu mult pe cel oferit de nomenclatura anexată la convenția de mai sus;

- Sistemul armonizat ca fiind unul destinat utilizării pentru stabilirea tarifelor și pentru statisticile aferente diferitor moduri de transportare a mărfurilor;

- Sistemul armonizat care vine să favorizeze stabilirea unei corelații cît mai strînse între statisticile comerciale de import și de export, pe de o parte, și de statisticile de producție, pe de altă parte.

Conform textului Convenției, Sistemul armonizat este parte componentă a acesteia. Prin *Sistemul armonizat* se înțeleg reguli internaționale de clasificare și informații statistice asupra mărfurilor destinate comerțului extern.

Acesta include Nomenclatura Sistemului armonizat, reguli generale pentru interpretarea acestuia.

Textul convenției corespunde principiilor de bază ale dreptului internațional și ONU: aplicarea benevolă, nepermiterea implicării în dreptul intern, recunoașterea întințității dreptului la soluționarea litigiilor.

În art. 1 din Convenția menționată sînt definite următoarele noțiuni:

- prin *Sistem armonizat de denumire și codificare a mărfurilor* se înțelege nomenclatura ce cuprinde pozițiile, subpozițiile și codurile numerice aferente, notele de secțiuni, capitole și subpoziții, precum și regulile generale de interpretare a Sistemului armonizat, cuprinse în anexa la această convenție,

- prin *nomenclatură tarifară* înțelegem nomenclatura stabilită în conformitate cu legislația părții contractante pentru încasarea taxelor vamale de import,

- prin *nomenclaturi statistice* se înțeleg nomenclaturile mărfurilor, elaborate de partea contractantă, pentru culegerea datelor necesare întocmirii statisticilor comerciale de import și de export.

Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor este o codificare vamală adoptată, conform Convenției menționate, de majoritatea participanților la comerțul mondial (cuprinde 90% din mărfurile aflate în circuitul comercial internațional) [6, p. 195]. Se poate de menționat că acesta este o nomenclatură structurată, conținînd o serie de poziții tarifare de 4 cifre, care sînt, în majoritatea cazurilor, subdivizate în subpoziții de 5 sau 6 cifre. În cadrul Sistemului armonizat, produsele sînt clasificate în 1241 de poziții, acestea fiind distribuite în 5019 subpoziții, care sînt grupate în 99 de capitole, repartizate în 21 de secțiuni. Pozițiile și subpozițiile sînt identificate prin

numere, la care primele două cifre reprezintă capitolul, iar următoarele două cifre – poziția în cadrul capitolului. Următoarele două cifre delimitează subpozițiile în cadrul pozițiilor.

Sistemul armonizat este o nomenclatură polivalentă pe 6 cifre și o nomenclatură structurată bazată pe o serie de poziții pe 4 cifre subdivizate [4, p. 18]. Este vorba de două tratări diferite ale aceluiași sistem care, pe de o parte, creează un anumit număr de poziții de 4 cifre ce acoperă regrupări particulare de subpoziții determinate de un număr de subdiviziuni, iar pe de altă parte, permite subdivizarea pozițiilor de 4 cifre deja acceptate, în vederea obținerii de subpoziții necesare la un nivel mai detaliat.

Ca nomenclatură polivalentă pe 6 cifre exclusiv numerică, Sistemul armonizat este conceput pentru a clasa mărfurile transportabile, chiar dacă aceste mărfuri nu fac obiectul schimburilor comerciale. Prin natura lor, cele 5019 grupe sau categorii de mărfuri pot fi utilizate în diferite scopuri, ceea ce conferă nomenclaturii un caracter polivalent.

Ca nomenclatură structurată, în scopul clasificării tarifare, Sistemul armonizat constituie o structură logic compusă din 1241 de poziții regrupate în 99 de capitole, acestea din urmă fiind grupate în 21 de secțiuni.

Ca instrument de valoare, o clasificare este concepută numai atunci cînd clasează mărfurile, într-o manieră simplă și precisă, la o singură poziție sau subpoziție din această clasificare. Clasificarea trebuie să conțină reguli ce ar permite alegerea unei poziții sau subpoziții, după ce au fost înlăturate toate celelalte poziții la care se putea clasifica marfa respectivă. Conținutul Sistemului armonizat cuprinde reguli ce stabilesc principiile pe care se bazează nomenclatura și care

stabilesc reguli generale pentru o interpretare uniformă.

Reguli generale interpretative sînt șase la număr. În baza regulii generale interpretative nr. 1, care este regula fundamentală, clasificarea mărfurilor este legal determinată după termenii pozițiilor și notelor secțiunilor și capitolelor. Regula 2a lărgeste cuprinsul pozițiilor care se referă la un articol determinat, în așa fel încît să acopere chiar și articolul incomplet sau nefinit. Regula 2b extinde pozițiile care menționează o singură materie determinată sau produse compuse dintr-o singură materie determinată, orice produs compus din mai multe materii se clasează conform regulii 3. Regula 3 enumeră principiile de clasificare aplicabile mărfurilor care pot fi clasificate la două sau mai multe poziții. Conform regulii 3a, mărfurile se clasifică la poziția cea mai specifică, iar conform regulii 3b – se aplica produselor amestecate sau celor compuse din materii diferite. Regula 3c se aplică atunci cînd regulile 3a și 3b nu permit efectuarea încadrării, marfa se încadrează la poziția cu numărul cel mai mare dintre pozițiile care pot fi luate în considerație. Regula 4 privește mărfurile ce nu pot fi încadrate conform regulilor precedente, reieșind din nouitatea lor, la poziția articolelor celor mai asemănătoare. Regula 5 încadrează diferite categorii de cutii, huse, ambalaje la poziția la care sînt încadrate articolele căroro le sînt destinate, cînd în mod normal se vînd împreună. În final, regula 6 prevede că încadrarea produselor în subpozițiile unei poziții trebuie să se facă în mod asemănător cu aceleași principii care sînt aplicabile la încadrarea în pozițiile de 4 cifre.

Regulile interpretative prevăd în mod clar că încadrarea mărfurilor în Sistemul armonizat urmează să se efectueze în etapele stabilite: încadrarea într-o poziție de 4 ci-

fre, într-o subpoziție cu o liniuță a acestei poziții și în subpoziții cu 6 cifre definite.

Concluzii. Odată cu aderarea unui stat la Convenție, ea se obligă să elaboreze Tariful vamal și nomenclatura statistică în conformitate cu Sistemul armonizat. Statul dat își asumă obligația ca la elaborarea nomenclaturilor sale tarifare și statistice să folosească toate pozițiile și subpozițiile Sistemului armonizat, fără completări și modificări, precum și codurile numerice aferente, să aplice regulile generale pentru interpretarea Sistemului armonizat și să respecte ordinea de numerotare a Sistemului armonizat. Fiecare parte contractantă va face publică statistica comercială de import și de export, în conformitate cu codurile de șase cifre ale Sistemului armonizat.

Totodată, prevederile art. 4 din Convenție dau posibilitatea aplicării parțiale a Sistemului armonizat de către țările în curs de dezvoltare, reieșind din cerințele comerțului internațional sau în funcție de capacitățile sale administrative. Unica condiție este ca statul care aplică Sistemul armonizat parțial să se oblighe să depună toate eforturile pentru aplicarea întregului Sistem armonizat într-o perioadă de cinci ani de la data intrării în vigoare. În caz de necesitate, țările în curs de dezvoltare pot solicita ajutor țărilor dezvoltate, care vor acorda asistență tehnică, pregătirea personalului, transpunerea nomenclaturilor la Sistemul armonizat.

În baza art. 6 din Convenție, se formează Comitetul Sistemului armonizat, care include reprezentanți ai fiecărei părți contractante având dreptul la un singur vot, care se întrunesc de două ori pe an. Funcțiile principale sînt: să propună proiecte de amendamente la convenție, reieșind din necesitățile utilizatorilor sau din evoluția tehnicilor și structurilor comerțului

internațional; să pregătească note explicative, să formuleze recomandări care să asigure interpretarea și aplicarea uniformă a Sistemului armonizat; să culegă și să distribuie informații cu privire la aplicarea acestuia; să furnizeze informații sau recomandări privind orice problemă de clasificare a mărfurilor; să prezinte rapoarte cu privire la activitatea sa.

Rolul Consiliului este de a examina propunerile pentru amendarea convenției, pregătite de Comitetul Sistemului armonizat, a aviza notele explicative, avizele de clasificare și orice alte interpretări ale Sistemului armonizat.

O prevedere importantă a Convenției se referă la drepturile vamale, prin care se menționează că părțile contractante prin această convenție nu își asumă nicio obligație referitoare la nivelul taxelor vamale.

În prezent practic toate nomenclatoarele statistice din lume se bazează pe Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor. Republica Moldova a aderat la această Convenție în 2004 [1]. Astfel, comunitatea internațională a făcut încă un pas spre eliminarea obstacolelor din calea liberei circulații a mărfurilor.

Recenzent:

T. CIOBANU,

doctor în drept, conf. univ.

Referințe bibliografice

1. Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova nr. 112 din 22.04.2004 pentru aderarea Republicii Moldova la Convenția internațională privind Sistemul armonizat de descriere și codificare a mărfurilor. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 077 din 14.05.2004.

2. Convenția Internațională privind Sistemul Armonizat de descriere

și Codificare a Mărfurilor, încheiată la Bruxelles la data de 14 iunie 1983.

3. Moldovan A. T. Drept vamal. București: Editura C. H. Beck, 2006.

4. Dragnea E., Ioniță N. Reglementări vamale, nomenclatură, origine, valoare. Oradea, 1994.

5. Caraiani Gh., Diaconu G.Ș. Tehnici vamale de facilitare a comerțului internațional. București: Lumina Lex, 2003.

6. Erhan I., Cârnaț T. Drept vamal comunitar. Chișinău: Print-Caro SRL, 2011.

7. Капранов А.В. Основы таможенного дела. Курс лекций, выпуск 3. Таможенное оформление. Таможенный контроль, Нижний Новгород: Издательство Волжской государственной академии водного транспорта, 1999.

ROLUL AUDIERII LA INVESTIGAREA FAPTEI SĂVÎRȘITE ÎN LEGITIMĂ APĂRARE

Constantin RUSNAC,
magistru în drept

SUMMARY

Even if proving guilt or innocence of a person on a criminal case is based solely on the statements of the participants, however their hearing is a process that every time evidence demonstrating its efficacy. The study showed that we wanted to highlight the problems encountered by hearing and tried to propose some recommendations for their resolution, taking into account the legal and practical aspects.

Keywords: method of proof, hearing, self-defense, process hearing, circumstances, prosecution, advocate

REZUMAT

Chiar dacă probarea vinovăției sau nevinovăției unei persoane pe o cauză penală nu se bazează numai pe declarațiile participanților, audierea acestora totuși reprezintă un procedeu probatoriu care de fiecare dată își demonstrează eficacitatea. În studiul dat ne-am propus să evidențiem problemele care apar la audiere și am formulat unele recomandări pentru soluționarea acestora, ținând cont de aspectele legale și cele practice.

Cuvinte-cheie: procedeu probatoriu, audiere, legitimă apărare, procedeu de audiere, circumstanțe, urmărire penală, avocat

Introducere. Sarcina probării vinovăției sau nevinovăției unei persoane în săvârșirea unei infracțiuni revine organelor de urmărire penală care au o competență bine determinată de lege. Prin activitatea pe care o desfășoară, aceste organe urmăresc în permanență aflarea adevărului cu privire la fapta și făptuitor, împiedicând astfel tragerea la răspundere penală a celor nevinovați, asigurând totodată respectarea drepturilor și libertăților cetățenilor.

Probarea unei infracțiuni, stabilirea vinovăției celor care au săvârșit-o reclamă activități multiple, inclusiv audierea bănuitului, învinuitului, victimei, martorului etc. *Audierea* este unul dintre cele mai vechi și răspândite procedee probatorii. În orice sistem judiciar, declarațiilor li se acordă o atenție sporită, oferindu-i un loc solid între alte probe. Declarațiile martorului au apărut încă în Antichitate, acest procedeu păstrându-se pînă astăzi cu unele modificări procedurale inevitabile [4, p. 109].

Articolul dat are drept scop elucidarea condițiilor care trebuie să fie respectate de către organul de

urmărire penală în procesul audierii persoanei implicate într-o faptă de legitimă apărare.

Materiale și metode utilizate. Pentru realizarea scopurilor și obiectivelor trasate, ținând cont de specificul și caracterul complex al temei investigate, în calitate de metode de cercetare au fost folosite metoda logică (analiza și sinteza), metoda sistematică. Cercetările întreprinse se bazează pe studierea legislației autohtone și doctrinei de specialitate din țară și de peste hotare.

Rezultate și discuții. Procesul de audiere a persoanelor implicate în săvârșirea unei fapte ce conține semne ale legitimei apărări impune noi rigori față de ofițerul de urmărire penală. Pe lângă faptul că e necesar de obținut date ce au importanță pentru justa soluționare a cauzei, mai e necesar de stabilit cine este făptuitor și cine e victimă.

Un aspect nu mai puțin important, care asigură o bună desfășurare a audierii, este studierea persoanei, pentru a afla caracterul ei, dacă a avut antecedente penale, care a fost pericolul social al faptelor pentru care a fost condam-

nată. E necesar de cunoscut că, la etapa inițială de investigare a faptei, persoana poate să ascundă de membrii grupei operative faptul că are antecedente penale. De aceea, în timpul audierii este rațional de acordat atenție comportamentului audiatului în biroul de serviciu, lexiconului și jargoanelor folosite în timpul comunicării, de determinat dacă are pe corp tatuaje (unde sînt plasate) care arată despre legătura sa cu lumea criminală.

În cazurile de investigare a faptelor săvârșite în legitimă apărare, înainte de audiere e necesar de identificat persoana. Identificarea se va face în baza documentelor ce demonstrează identitatea persoanei, și nu în baza declarațiilor audiatului sau ale rudelor sale.

Cea mai amplă informație despre o persoană poate fi obținută de la patru categorii de martori [6, p. 69]:

1. membrii de familie și rudele;
2. foștii și prezenții vecini;
3. colegii de lucru sau de studii;
4. prietenii cu care își petrece timpul liber.

Statistica ne demonstrează că, în cadrul audierilor efectuate în ca-

zul investigării faptelor săvârșite în legitimă apărare, persoanele audiate uită anumite detalii de care se interesează urmărirea penală, chiar dacă fapta a avut loc cu câteva ore în urmă. Acest fapt este determinat de spaima care inhibă activitatea de memorare și de frica ce reduce randamentul procesului de percepție, memorare și reproducere.

E necesar de luat în considerație că persoana care s-a aflat în legitimă apărare memorează mai bine cele întâmplate. Asta deoarece procesul de memorare este influențat de starea emoțională prin care trece persoana în momentul atacului, dar și ea poate avea probleme cu reținerea unor detalii. Specificul acestor cauze constă în faptul că și cel care a atacat, și cel ce s-a apărat prin mijloace legitime sînt victime, ambii trec printr-o stare de stres. Conducîndu-ne de această regulă, trebuie să fim atenți la procesul de identificare a adevăratei victime și a atacatorului.

Pînă a începe audierea, e necesar de asigurat toate condițiile prevăzute de lege pentru ca ulterior această persoană să nu poată să refuze la declarațiile sale date anterior. Declarațiile oferite pot conține date contradictorii, care vor ajuta la stabilirea adevărului în procesul penal.

În timpul audierii, un spațiu aparte de manevră trebuie acordat avocatului care apără persoana ce s-a aflat în legitimă apărare. Folosindu-se de pîrghiile legale, el trebuie să influențeze pozitiv activitatea ofițerului de urmărire penală, determinînd astfel legalitatea faptei săvârșite.

După începerea urmăririi penale, este rațional de audiat imediat persoanele ce au legătură cu fapta săvârșită. În opinia noastră, îl vom audia primul pe acela pe care îl bănuim ca a săvârșit atacul. Această

tactică va ajuta la stabilirea datelor contradictorii: dacă el într-adevăr a săvârșit fapta, atunci (în majoritatea cazurilor) va avea la dispoziție un timp limitat pentru a-și planifica acțiunile ulterioare. Totodată, ofițerul de urmărire penală, în timpul desfășurării audierii, își va face înscrisuri cu privire la momentele-cheie care urmează a fi verificate prin intermediul altor mijloace de probă.

Practicienii sînt de acord cu faptul că în timpul audierii, mai ales în situații de conflict, e util să se facă anumite note. Însă va fi respectată o condiție: audiutul nu trebuie să vadă ce fel de date sînt fixate și cu privire la ce. De multe ori ofițerii de urmărire penală apelează la conspectări false. Asta presupune că el fixează date ce nu au nimic comun cu cele declarate de audiat, prin aceasta punîndu-l în gardă pe aceasta din urmă, fiindcă el nu știe la care cuvinte, fraze a reacționat ofițerul de urmărire penală.

În cazul în care persoanei i s-au cauzat leziuni corporale și necesită internare sau este internată într-o instituție medicală, audierea urmează să se facă imediat după acordarea ajutorului medical, cu condiția că audiutul este conștient de ceea ce se întâmplă. Durata timpului de audiere este stabilită de medicul-internist, în baza rezultatelor investigațiilor medicale. În timpul unei astfel de audieri se obține un nivel ridicat de sinceritate din partea audiutului. Asta deoarece îi este limitat timpul pentru a gîndi o schemă de dare a declarațiilor sau de a crea un alibi ideal.

Dacă ofițerul de urmărire penală nu a avut posibilitatea să audieze persoana din cauza că aceasta este în comă, el trebuie să comunice medicului care îl tratează ce trebuie să-l întrebe cînd persoana va ieși din comă, deoarece există cazuri

cînd persoana își revine pentru o perioadă scurtă de timp.

În timpul audierii atît a atacatorului, cît și a celui ce s-a aflat în legitimă apărare, e necesar de stabilit următoarele circumstanțe ce prezintă interes pentru urmărirea penală:

1. Numărul atacanților și al celor ce s-au aflat în legitimă apărare, poziționarea acestora la momentul atacului, vîrsta, statura, descrierea semnalmentelor auxiliare;

2. Au fost folosite arme de foc sau alte instrumente în calitate de armă; dacă da, caracteristicile acestora;

3. Comportamentul atacatorului, dacă și-a exteriorizat amenințările (vorbire, mimică, prin demonstrarea armelor sau altor instrumente), cum au fost percepute acestea de audiat (ca pe o amenințare reală ce pune în pericol viața și sănătatea; iar dacă nu a fost luată în seamă, de ce anume);

4. S-a reușit dezbaterea sau luarea armei din mîna atacatorului; dacă da, atunci cu ce scop a fost continuată aplicarea loviturilor;

5. Considerați că exista, în continuare, pericol pentru viața dvs. (De ce?) sau ați dorit să vă răzbuțnați pentru atacul efectuat asupra dvs?;

6. Au existat alte căi de respingere a atacului, cu cauzarea unui prejudiciu mai mic; dacă da, de ce nu s-au folosit aceste posibilități;

7. Care au fost direcțiile de mișcare a armei, ale loviturilor, consecutivitatea, puterea și poziționarea urmărilor acestora pe corpurile tuturor participanților;

8. Ce urme au rămas la locul faptei, pe haine, pe armele folosite pentru atac și apărare, destinul acestor obiecte purtătoare de urme;

9. Unde a dobîndit arma sau instrumentele folosite în calitate de armă cel care a atacat și cel

ce s-a aflat în legitimă apărare; au fost pregătite din timp sau nu, în posesia cui s-au aflat pînă a ajunge la ei;

10. Date despre martorii care cunosc anumite circumstanțe despre fapta săvîrșită;

11. Circumstanțele ce au precedat atacul (datorită căror circumstanțe participanții s-au aflat în același loc și timp, caracterul relațiilor lor etc.);

12. Care a fost motivul altercației, ce scopuri au urmărit prin comportamentul lor, cum au apreciat situația creată, atitudinea față de posibilele consecințe;

13. Ce evenimente s-au întîmplat pînă, în momentul și după săvîrșirea faptei infracționale și dacă au legătură cu ea, în opinia audiatului.

Considerăm că acest șir de întrebări poate fi folosit ca element al unui program criminalistic de verificare a versiunilor cu privire la legitima apărare.

Audierea presupune nu numai cunoașterea problemelor ridicate de materialele cauzei, ci și regulile tactice după care se va desfășura audierea. În timpul audierii, ofițerul de urmărire penală poate folosi mai multe procedee tactice în limitele prevăzute de lege:

- Punerea a cît mai multe întrebări de detaliu, prin care se pot controla răspunsurile anterioare.

- Audierea persoanei imediat după punerea în vedere a faptelor pentru care este făcută răspunzătoare, pentru a nu-i acorda un timp prea lung în care să-și pregătească răspunsurile.

- Audierea cu folosirea probelor de vinovăție; prezentarea probelor se poate face progresiv sau frontal [3, p. 341].

- Cînd se dispune de material suficient și bine verificat, se poate adopta tactica povestirii întregului

proces al faptei săvîrșite, folosind datele reale ale acesteia și probele din dosar.

- Cînd cel audiat este nesincer, dar vorbește, va fi lăsat să vorbească, admițînd chiar unele digresiuni de la problema pe care trebuia s-o lămurească. În această situație se urmărește să se cîștige încrederea persoanei, evitîndu-se notarea în timpul declarațiilor libere, pentru a nu-l face pe audiat mai circumspect și a nu-i da răgazul să-și regrepeze ideile pentru o anumită formă de apărare. Dacă în declarațiile audiatului sînt contraziceri, asupra acestora nu i se va atrage atenția decît după semnarea procesului-verbal. Iar dacă în declarații sînt părți vădit mincinoase, organul de urmărire nu-și va exterioriza nemulțumirea, va trece în procesul-verbal cele declarate, iar în cadrul altei audieri va relua aceleași probleme, căutînd să lămurească aspectele de detaliu prin întrebări de control.

- La investigarea faptei săvîrșite în legitimă apărare cu mai muți bănuți, învinuți, după ce persoana a făcut declarații în legătură cu situația sa personală, ca un procedeu tactic, este bine să fie întebată și în legătură cu problemele celorlalți.

- În caz că audiatul nu dorește să facă nicio declarație în legătura cu fapta, se adoptă metoda tactică a verificării felului cum și-a petrecut timpul înainte, în timpul și după săvîrșirea faptei. Verificarea celor afirmate se face în mod riguros, pe zile și ore, insistîndu-se asupra „golurilor de timp” pe care făptuitorul nu le poate justifica.

- Un alt procedeu îl constituie „întîlnirile neașteptate”, organizate de organul de urmărire penală, prin care adesea se zdruncină poziția recalcitrantă a persoanei audiate.

- În cazuri mai dificile se poate aplica procedeu ascultării încrucișate, cînd două sau trei persoane

pun întrebări în mod succesiv, iar audiatul trebuie să răspundă pe rînd fiecăreia. Prin întrebări bine organizate se poate ajunge la destrămarea sistemului de apărare a audiatului.

O variantă a audierii încrucișate constă în ascultarea succesivă a audiatului de către două persoane. În acest caz este posibil ca audiatul să manifeste o mai mare încredere față de una dintre persoanele care-l ascultă și să devină mai comunicativ. După fiecare ascultare, cele două persoane trebuie să se pună de acord asupra progreselor obținute în declarațiile audiatului și să redacteze împreună întrebările principale pe care le vor pune împreună audiatului în continuarea audierii.

Dacă în timpul audierii persoana este foarte emoționată, este recomandabil să se folosească videofilmul. La fel, va fi util să i se ofere posibilitatea de a desena arma, schema de amplasare a participanților la locul faptei etc., toate acestea urmînd a fi anexate la procesul-verbal de audiere.

După încheierea audierii, ofițerul de urmărire penală trebuie să insiste ca audiatul să citească personal procesul-verbal de audiere, pentru a exclude pretențiile din partea acestuia. Ofițerul de urmărire penală nu trebuie să citească procesul-verbal de audiere, deoarece în cazul constatării unor date false, audiatul poate să declare că a fost indus în eroare intenționat de către angajații poliției, iar procesul-verbal de audiere l-a semnat fără a-l citi.

Toate declarațiile obținute trebuie să fie apreciate obiectiv, conform alin. (1) art. 95 CPP al RM. Declarațiile false îngreunează investigarea faptei, împiedică aflarea adevărului, tărăgănează urmărirea penală, fac astfel încît cel vinovat să scape de răspundere penală,

astfel ducînd la condamnarea unei persoane nevinovate.

Tarkanov I.A. precizează că, în cazul investigării unei fapte săvîrșite în legitimă apărare, există minimum 3 variante de inducere intenționată în eroare a ofițerului de urmărire penală de către audiat [233, p. 73]:

1. Folosindu-se de faptul că i s-au cauzat leziuni corporale, atacatorul insistă în vinovăția celui ce s-a apărat, negînd existența atacului din partea sa.

2. Cel ce s-a apărat a depășit conștient limitele legitimei apărări, dar fiindu-i frică de răspunderea penală, susține că atacul a avut un caracter social mult mai periculos decît cel constatat de către organul de urmărire penală.

3. A avut loc cauzarea unui prejudiciu intenționat sau din imprudență sănătății sau vieții, iar persoana vinovată pretinde că a fost în legitimă apărare.

E rațional de efectuat și audierea specialistului-criminalist în vederea soluționării următoarei întrebări: E posibil să existe un astfel de mecanism de creare a urmei în condițiile și în consecutivitatea acțiunilor indicate de cel ce s-a apărat, atacator sau martor? La fel, nu trebuie de uitat că experților-criminaliști trebuie să le fie puse așa întrebări răspunsurile la care să permită stabilirea legăturii cauzale dintre acțiunile atacatorului, ale celui ce s-a apărat și prejudiciul cauzat.

Sîntem de acord cu opinia autorului Selinov M.A. că nu trebuie să supraapreciem importanța audierii în procesul investigării faptei săvîrșite în legitimă apărare [5, p. 45]. Nu trebuie de acordat o atenție sporită audierilor suplimentare cu scopul de confirmare a probelor, când aceste probe pot fi verificate și apreciate prin intermediul altor

acțiuni de urmărire penală și măsuri speciale de investigație.

Concluzii. Putem concluziona că declarațiile obținute în cadrul investigării unei fapte săvîrșite în legitimă apărare vor fi pertinente, concludente și utile doar cu respectarea următoarelor condiții:

- pregătirea temeinică către audiere, care va cuprinde atît pregătirea specială, cît și cea psihologică;

- primul va fi audiat cel pe care ofițerul de urmărire penală îl bănuiește că a săvîrșit atacul;

- ținînd cont de situația creată în timpul audierii, pentru obținerea declarațiilor veridice urmează să se folosească conspectările false și alte procedee și combinații tactice;

- e necesară acordarea unui spațiu aparte de manevră avocatului care apără persoana ce s-a aflat în legitimă apărare; folosindu-se de pîrghiile legale, el trebuie să influențeze pozitiv activitatea ofițerului de urmărire penală, determinînd astfel legalitatea faptei săvîrșite;

- rezultatele audierii trebuie să fie comparate cu declarațiile altor participanți, precum și cu rezultatele altor procedee probatorii.

Recenzent:

B. GLAVAN,

doctor în drept,

conferențiar universitar

Referințe bibliografice

1. Codul de procedură penală al Republicii Moldova, nr. 122-XV din 14 martie 2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 273-279 din 28.12.2012.

2. Codul penal al Republicii Moldova, nr. 985-XV din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 72-74 din 14.04.2009.

3. Golunski S.A. Criminalistica. București: Ed. științifică, 1961, 559 p.

4. Sava A. Aprecierea probelor în procesul penal. Iași: Junimea, 2002, 109 p.

5. Сельнов М.А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Москва, 1988, 28 с.

6. Тараканов И.А. Особенности доказывания состояния необходимой обороны в стадии предварительного расследования. Дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2006, 216 с.

СТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В СТРАНАХ СНГ

Алена АГАРКОВА,

адъюнкт докторантуры и адъюнктуры Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted to theoretical investigation of such a crime as riots, which are provided by the Criminal code of Ukraine and the Criminal codes of the countries of the Commonwealth of Independent States. Analyzes the object, the objective side, the subjective side, the subject of crime, punishment and qualifying features of the mass disorders such foreign countries as the Russian Federation, Republic of Moldova, the Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic, Azerbaijan Republic, Republic of Tajikistan, Republic of Turkmenistan, Republic of Uzbekistan, the Republic of Armenia. Conclusions regarding the General and the various elements of crime in these countries.

Key words: riots, crime, object, objective side, subjective side, subject, legislation.

* * *

В статье проводится теоретическое исследование такого состава преступления как массовые беспорядки, которые предусмотрены Уголовным кодексом Украины и Уголовными кодексами стран Содружества Независимых Государств. Анализируется объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект преступления, наказание и квалифицирующие признаки массовых беспорядков таких зарубежных стран как Российская Федерация, Республика Молдова, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Киргизская Республика, Азербайджанская Республика, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан, Республика Армения. Делаются выводы относительно общих и различных признаков состава преступления этих стран.

Ключевые слова: массовые беспорядки, состав преступления, объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект, законодательство.

Постановка проблемы. Массовые беспорядки представляют собой серьезную опасность для общества и выражаются в совершении конкретных действий. Они в той или иной форме возможны в любом обществе независимо от формы устройства. В настоящее время теоретические проблемы уголовно-правовой борьбы с массовыми беспорядками в Украине приняли особое значение и обострились, в связи с теми конфликтами, которые возникают в стране. Научное изучение данного феномена не проводилось в полном объеме. Хотя существует определенное количество научных работ, которые посвящены массовым беспорядкам, все же в Украине комплексного анализа относительно уголовной ответственности за такие деяния не проводилось. Это обуславливается, в первую очередь тем, что в Советском Союзе хотя и происходили массовые беспорядки,

но они не были озвучены и не предавались огласке, в связи с тем, что не представляли собой угрозу для общества.

Актуальность темы исследования подтверждается недостаточностью научных работ, посвященных уголовной ответственности за массовые беспорядки в Украине и в странах Содружества Независимых Государств, что в сочетании с необходимостью комплексного научного анализа данного вопроса обуславливает важность и своевременность данной статьи.

Состояние исследования. Проблемы уголовной ответственности за массовые беспорядки постоянно исследуются, им было посвящено значительное количество научных работ ученых, среди которых особый вклад внесли такие авторы: П.П. Андрушко, М.И. Бажанов, Ю.В. Баулин, И.Н. Даньшин, Ю.И. Жих, И.Я. Козаченко, И.Н. Копотун, Н.И. Коржанский, В.С. Ломака, П.С. Матишевский,

П.П. Михайленко, В.А. Навроцкий, М.Л. Наклович, В.В. Налуцишин, Г.И. Пищенко, Ю.М. Ткачевский, Е.В. Фесенко, М.И. Хавронюк, С.С. Яценко и др.

Целью и задачей статьи является правовое исследование проблемы уголовной ответственности за массовые беспорядки в Украине и в странах Содружества Независимых Государств.

Изложение основного материала. Массовые беспорядки - это общественно опасное деяние, которое подрывает основы общества, дестабилизирует обстановку, нарушает нормальную жизнь граждан, работу предприятий, учреждений, организаций.

В действующем Уголовном кодексе Украины (далее УК Украины) установлена уголовная ответственность за массовые беспорядки. Уголовно наказуемыми признаются: «организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами,

уничтожением имущества, захватом зданий или сооружений, насильственным выселением граждан, сопротивлением представителям власти с применением оружия или других предметов, которые использовались в качестве оружия, а также активное участие в массовых беспорядках» [1].

Состав преступления массовых беспорядков является сложным по своему типу, поскольку включает в себя несколько действий, которые образуют составы других самостоятельных преступлений: против личности, собственности, общественного порядка, но законодатель разместил ст. 294 УК Украины в Разделе «Преступления против общественного порядка и моральности». Это предоставляет нам право утверждать, что родовым объектом преступления законодатель определяет именно общественный порядок и моральность, а видовым – общественный порядок.

Исследовав родовый объект массовых беспорядков стран Содружества Независимых Государств мы пришли к выводу о том, что в УК Российской Федерации, Республики Молдова, Киргизской Республики, Азербайджанской Республики, Республики Узбекистан этим объектом являются общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, в УК Республики Казахстан - это общественные отношения в сфере общественной безопасности, а в уголовном законодательстве Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Республики Туркменистан родовым объектом выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности и здоровья населения. Только лишь в УК Республики

Армения родовый объект - это общественные отношения в сфере общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка, общественной моральности и здоровья населения.

Далее мы изучили видовой объект, который находится в составе указанного преступления, УК Российской Федерации, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Азербайджанской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Республики Армения и представляет собой общественные отношения в сфере общественной безопасности. В УК Республики Туркменистан видовым объектом являются общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка.

В уголовном законодательстве Республики Молдова и Республики Казахстан видовой объект вообще отсутствует.

Такой вид объекта как непосредственный объект находится во всех УК стран Содружества Независимых Государств и он представляет собой общественные отношения в сфере общественной безопасности.

В законодательстве стран Содружества Независимых Государств, которые были нами исследованы, кроме непосредственного объекта можно выделить дополнительный обязательный объект. В зависимости от формы деяния им являются общественные отношения собственности (при совершении погромов, поджогов, уничтожения имущества), жизнь и здоровье лица (при совершении деяний, которые сопровождались насильством над лицами).

После изучения объекта такого преступления как массовые беспорядки мы исследовали сле-

дующий элемент состава преступления - объективную сторону. Первым признаком объективной стороны выступает следующее действие - организация массовых беспорядков, оно прямо указано в УК Российской Федерации (ч. 1 ст. 212), Республики Молдова (ч. 1 ст. 285), Республики Казахстан (ч. 1 ст. 241), Республики Беларусь (ч. 1 ст. 293), Киргизской Республики (ч. 1 ст. 233), Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 220 КК), Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 188), Республики Туркменистан (ч. 1 ст. 276), Республики Узбекистан (ст. 244), Республики Армения (ч. 1 ст. 225).

Как свидетельствует исследование, следующее действие - организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насильем, законодатель поместил во все диспозиции статей о массовых беспорядках стран Содружества Независимых Государств.

Согласно исследуемого нами зарубежного законодательства такие действия как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, поджогами, определяют Уголовные кодексы всех стран Содружества Независимых Государств.

В соответствии с ч. 1 ст. 212 УК Российской Федерации, ч. 1 ст. 285 УК Республики Молдова, ч. 1 ст. 241 УК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 293 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 188 УК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 276 УК Республики Туркменистан, ст. 244 УК Республики Узбекистан, ч. 1 ст. 225 УК Республики Армения объективная сторона предусматривает такое действие - организация массовых беспорядков, сопровождавшихся уничтожением имущества.

Анализируя нормы уголовного законодательства Киргизской Республики (ч. 1 ст. 233 УК),

Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 220 УК), Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 188 УК), Республики Узбекистан (ст. 244 УК), Республики Армения (ч. 1 ст. 225 УК) можно сделать вывод, что этим странам присуще такое действие, которое содержится в объективной стороне, а именно организация массовых беспорядков, сопровождавшихся повреждением имущества.

В отличие от УК Украины в исследуемых странах отсутствует такой признак как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся захватом зданий или сооружений, насильственным выселением граждан.

Говоря об объективной стороне, следует обратить внимание на такое действие, которое содержится во всех без исключения странах Содружества Независимых Государств, как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся сопротивлением представителям власти с применением оружия или других предметов, которые использовались как оружие.

Важно отметить, что законодатель в ч. 1 ст. 220 УК Азербайджанской Республики и в ч. 1 ст. 188 УК Республики Таджикистан определил такой признак объективной стороны как участие в массовых беспорядках, а в ст. 244 УК Республики Узбекистан – активное участие в массовых беспорядках.

В соответствии с ч. 1 ст. 212 УК Российской Федерации, ч. 1 ст. 285 УК Республики Молдова, ч. 1 ст. 241 УК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 233 УК Киргизской Республики, ч. 1 ст. 220 УК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 188 УК Республики Таджикистан, ч. 1 ст. 276 УК Республики Туркменистан, ч. 1 ст. 225 УК Республики Армения объективная сторона представлена

таким действием как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся применением оружия, представляющего опасность для окружающих.

Законодатель прямо относит организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся применением взрывных устройств, представляющих опасность для окружающих, к действиям, которые содержатся в объективной стороне УК Российской Федерации (ч. 1 ст. 212), Республики Казахстан (ч. 1 ст. 241), Киргизской Республики (ч. 1 ст. 233), Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 220), Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 188), Республики Туркменистан (ч. 1 ст. 276), Республики Армения (ч. 1 ст. 225).

В статьях УК таких зарубежных стран как Российская Федерация (ч. 1 ст. 212), Республика Казахстан (ч. 1 ст. 241), Киргизская Республика (ч. 1 ст. 233), Азербайджанская Республика (ч. 1 ст. 220), Республика Таджикистан (ч. 1 ст. 188), Республика Туркменистан (ч. 1 ст. 276), Республика Армения (ч. 1 ст. 225) указано следующее действие, которое характерно для объективной стороны - организация массовых беспорядков, сопровождавшихся применением взрывных веществ, представляющих опасность для окружающих.

Только в ч. 1 ст. 212 УК Российской Федерации отражены такие признаки объективной стороны: организация массовых беспорядков, сопровождавшихся применением отравляющих веществ, представляющих опасность для окружающих; организация массовых беспорядков, сопровождавшихся применением других веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих; подготовка лица для организации таких массовых

беспорядков или участия в них. Во всех остальных странах Содружества Независимых Государств указанные признаки не упоминаются.

Что касается законодательной конструкции, то на основании проведенного анализа можно констатировать, что к преступлениям с формальным составом относятся составы преступлений, которые содержатся в УК всех изученных нами стран Содружества Независимых Государств, т.е. в этих странах преступление считается законченным с момента совершения общественно опасного деяния (действия), которое указано в диспозиции статьи, а именно организации массовых беспорядков или активного участия в массовых беспорядках.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что составы преступлений с материальным и усеченным составом в УК исследуемых нами государств отсутствуют.

В УК всех стран Содружества Независимых Государств субъективная сторона состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Субъектом преступления в УК всех стран Содружества Независимых Государств является организатор массовых беспорядков. В УК Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 220), УК Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 188), УК Республики Узбекистан (ст. 244), УК Российской Федерации (ч. 2 ст. 212), Республики Казахстан (ч. 2 ст. 241), Республики Беларусь (ч. 2 ст. 293), Киргизской Республики (ч. 2 ст. 233), Республики Туркменистан (ч. 2 ст. 276), Республики Армения (ч. 2 ст. 225) субъектом является также участник массовых беспорядков. Следует отметить, что только лишь в уголовном

законодательстве Республики Молдова (ч. 2 ст. 285 УК) субъектом является активный участник массовых беспорядков.

В УК Российской Федерации субъектом преступления выступает также пособник, а в УК Республики Молдова кроме организатора субъектом преступления законодатель определил руководителя.

Таким образом, во всех исследуемых нами УК стран Содружества Независимых Государств субъект преступления специальный. Дополнительным признаком субъекта законодатели некоторых зарубежных стран признают роль лица в совершении преступления.

Проанализировав санкцию данного состава преступления мы приходим к выводу о том, что такой вид наказания как лишение свободы законодатель указал в санкциях статей УК всех без исключения стран Содружества Независимых Государств.

К особо тяжким преступлениям относятся преступления, предусмотренные УК Российской Федерации, Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан, а к тяжким - УК Республики Молдова, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Армения.

В УК Азербайджанской Республики (ч. 2 ст. 220) и Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 188) квалифицирующими признаками являются призывы к активному неповиновению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а также призывы к насилию над гражданами, а в УК Российской Федерации (ч. 3 ст. 212 УК) - призывы к массовым беспорядкам или к участию в них,

а также призывы к насилию. В УК Республики Узбекистан квалифицирующие признаки отсутствуют.

В УК Республики Молдова (ч. 3 ст. 285), Республики Казахстан (ч. 3 ст. 241), Киргизской Республики (ч. 3 ст. 233) квалифицирующими признаками являются призывы к активному насильственному неповиновению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а также к совершению насильственных действий в отношении людей.

Обратим внимание на то, что только в соответствии с ч. 3 ст. 225 УК Республики Армения квалифицирующими признаками выступают деяния, предусмотренные частью первой или частью второй, которые соединены с убийством.

Лишение свободы как альтернативный вид наказания предусмотрен в санкциях УК Российской Федерации (ч. 3 ст. 212), Республики Молдова (ч. 3 ст. 285), Республики Казахстан (ч. 3 ст. 241), а в УК Киргизской Республики (ч. 3 ст. 233), Республики Армения (ч. 3 ст. 225) - как основной вид наказания.

Такой альтернативный вид наказания как ограничение свободы содержится в санкциях УК Российской Федерации (ч. 3 ст. 212), Республики Казахстан (ч. 3 ст. 241), а принудительные работы как альтернативный вид наказания присущ УК Российской Федерации (ч. 3 ст. 212).

Альтернативный вид наказания - штраф предусмотрен в санкции ч. 3 ст. 285 УК Республики Молдова. Также в санкции ч. 3 ст. 285 УК Республики Молдова находится альтернативный вид наказания - общественные работы.

Что касается ареста, то такой альтернативный вид наказания

находится в санкции ч. 3 ст. 241 УК Республики Казахстан.

В соответствии с классификацией преступлений в зависимости от их тяжести, к особо тяжкому относится преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 225 УК Республика Армения, а к преступлениям средней тяжести относится преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 241 УК Республики Казахстан и ч. 3 ст. 233 УК Киргизской Республики, а к преступлениям небольшой тяжести относится преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 212 УК Российской Федерации и ч. 3 ст. 285 УК Республики Молдова.

К особенностям уголовного законодательства Российской Федерации следует отнести то, что в ч. 4 ст. 212 УК говорится: «прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов организации массовых беспорядков, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих» [2]. Данной нормы не обнаружено в других УК стран Содружества Независимых Государств.

Согласно ч. 4 ст. 225 УК Республики Армения квалифицирующими признаками являются призывы к активному неповиновению законным требованиям представителей власти во время массовых беспорядков или призывы к массовым беспорядкам, или к насилию над людьми.

Стоит заметить, что лишение свободы, исправительные рабо-

ты, арест как альтернативные виды наказания предусмотрены только лишь в ч. 4 ст. 225 УК Республики Армения.

Выводы. Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что родовой и непосредственный объекты, которые указаны в УК Украины, не совпадают с родовым и непосредственным объектом, указанными в УК стран Содружества Независимых Государств.

Такие действия как организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью; погромами; поджогами, сопротивлением представителям власти с применением оружия или других предметов, которые использовались в качестве оружия, являются признаками объективной стороны массовых беспорядков УК Украины и УК всех остальных стран Содружества Независимых Государств.

Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся захватом зданий или сооружений, насильственным выселением граждан находится только лишь в диспозиции УК Украины.

Деяние в форме организации массовых беспорядков, сопровождавшихся уничтожением имущества, предусмотрено в уголовном законодательстве Украины, Российской Федерации, Республики Молдова, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан, Республики Армения, но отсутствует в УК Киргизской Республики и Азербайджанской Республики.

Во всех странах Содружества Независимых Государств массовые беспорядки относятся к преступлениям с формальным составом, а субъективная сторона

преступления характеризуется виной в форме прямого умысла.

Субъектом преступления в УК всех стран Содружества Независимых Государств является организатор массовых беспорядков. В УК Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 220), УК Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 188), УК Республики Узбекистан (ст. 244), УК Российской Федерации (ч. 2 ст. 212), Республики Казахстан (ч. 2 ст. 241), Республики Беларусь (ч. 2 ст. 293), Киргизской Республики (ч. 2 ст. 233), Республики Туркменистан (ч. 2 ст. 276), Республики Армения (ч. 2 ст. 225) субъектом является также участник массовых беспорядков. Следует отметить, что только лишь в уголовном законодательстве Республики Молдова (ч. 2 ст. 285 УК) субъектом является активный участник массовых беспорядков.

В УК стран Содружества Независимых Государств основным видом наказания за совершение массовых беспорядков является лишение свободы.

В уголовном законодательстве Украины, Республики Молдова, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Армения массовые беспорядки относятся к тяжким преступлениям.

Такой квалифицирующий признак как: те же действия, если они повлекли гибель людей либо иные тяжкие последствия присутствует только в украинском законодательстве.

Литература:

1. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page9>

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/uk/212/>

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРОДЮСЕРСКИХ УСЛУГ В УКРАИНЕ

А. АКСЮТИНА,

соискатель кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел, г. Киев

SUMMARY

The article is devoted to some of the legal aspects of the problem definition, the scope of the division to provide legal services in Ukraine producer. Developed and conclusions on improving civil procedural law of Ukraine, in particular in the field of producing services. Based on the concept of “producer” as a category of civil law, defining the scope of producer activity and its regulatory consolidation. Particular attention is devoted, of the legal regulation of producer services and their scope, which are not regulated properly by the applicable laws of Ukraine, and other countries in the post-Soviet space.

Keywords: Producer, writer, producer service.

* * *

Статья посвящена исследованию некоторых проблемных правовых аспектов определения сферы правоотношений по предоставлению продюсерских услуг в Украине. Разработаны и предложены предложения по совершенствованию гражданского законодательства Украины, в частности в сфере предоставления продюсерских услуг. На основании понятия «продюсер», как категории гражданского законодательства, определена сфера применения продюсерской деятельности и ее нормативного закрепления. Особое внимание посвящено вопросам правового регулирования предоставления продюсерских услуг и сферы их применения, которые не урегулированы надлежащим образом нормами действующего законодательства Украины, и других стран на постсоветском пространстве.

Ключевые слова. Продюсер, автор, продюсерская услуга.

Введение. Одновременно с развитием рыночных отношений на территории Украины и иных постсоветских республик, стремительно развивались и иные сферы общественных отношений. Театральная, кинематографическая, телевизионная, спортивная и иная развлекательная деятельность, направленная на удовлетворением нематериальных, духовных потребностей социума, заняли одно из ведущих мест в деятельности общества. Потребителями творческих продуктов данной сферы общественной деятельности – произведений кинематографа, телевидения, сценического искусства, спортивных и телевизионных программ является практически каждый житель государства.

В то же время, создание любого творческого продукта является результатом интеллектуальной деятельности авторов, авторских

коллективов и лиц, оказывающих им содействие в творческом процессе либо руководящих данным процессом, финансирующих его, прежде всего - продюсеров. Именно продюсеры, оказывая услуги менеджмента, консалтинга, технического, организационного, а зачастую и бытового обеспечения творческим деятелям и коллективам, содействуют своевременному появлению качественных произведений, выступлений и иных творческих продуктов.

К сожалению, вопросы правового регулирования предоставления продюсерских услуг, сферы их применения, не урегулированы надлежащим образом нормами действующего законодательства не только Украины, но и других стран на постсоветском пространстве. Не уделяется внимания в полной мере исследованию данного института и со стороны ученых-цивилистов. Именно эти обстоятельства обу-

славливают актуальность исследуемой темы.

Проблемы предоставления продюсерских услуг в разное время были предметом исследования таких отечественных и иностранных ученых-юристов, как Б.С. Антимонов, О.В. Дзера, Р.О. Денисов, О. Калмыков, Н.В. Кротова, Ю.Ю. Нерода, О.А. Пидопрыгора, О.О. Пидопрыгора, М.М. Поплавский, О.П. Сергеев, К.А. Флейшиц, Я.М. Шевченко, Г.Ф. Шершеневич, С.К. Юрченко и других.

Большинство из указанных ученых в той или иной степени уделяли внимание определению и характеристике продюсерской деятельности, однако в большинстве работ данный вопрос рассматривается недостаточно глубоко, отсутствует единство в понимании как сущности, так и содержания данного явления, а также сферы их применения.

Цель статьи - на основании

понятия «продюсер», как категории гражданского законодательства, определить сферу применения продюсерской деятельности и ее нормативного закрепления.

Изложение основного материала. Еще на заре становления человеческой цивилизации, в государстве, давшем начало развитию цивилистики – Великой Римской империи, при императоре Августе были четко определены две основные потребности социума, позволяющие им манипулировать и управлять – хлеб и зрелища [5, с.14]. Совокупность указанных составляющих является универсальной формулой управления народными массами во все времена. При этом, обеспечение первой составляющей формулы позволяет формировать и поддерживать удовлетворительный материальный уровень социума в целом, а обеспечение второй – позволяет поддерживать нормальное, уравновешенное морально-психологическое состояние масс, что существенным образом влияет на первую составляющую.

Зрелища, о которых говорил римский поэт-сатирик Ювенал [15, с.34], это не только фееричные выступления групп артистов, спектакли, цирковые и эстрадные выступления, получившие в современных условиях обобщественное название «шоу». К ним относятся также любые групповые или одиночные мероприятия, направленные на удовлетворения духовных потребностей человека, а также отдельные произведения: произведения литературы, кинематографа, изобразительного искусства, музыкальные, хореографические и прочие.

Создание таких произведений и предоставление их вниманию публики – потребителей, даже в современных условиях стремительного технического прогресса, появления новых технологий и образцов техники, способных технически создавать и воспроизводить какие-либо произведения, невозможно без участия человека или группы людей, творческим, интеллектуальным трудом которых и создаются новые произведения литературы, искусства и науки. При этом, у лиц, принимающих участие в процессе создания нового произведения, возникают личные неимущественные и исключительные имущественные права на конечный продукт их творческой деятельности.

Однако, процесс создания любого произведения интеллектуальной собственности является достаточно сложным и экономически затратным делом. Кроме того, самим фактом создания произведения творческий процесс не заканчивается, поскольку результат творческой деятельности должен быть доставлен до его конечного потребителя и, как итог, обеспечить удовлетворение материальных потребностей лиц, создавших его. Творческие личности, которые фактически создают произведения, не всегда готовы к тому, чтобы организовать и обеспечить творческий процесс как организационно, так и материально. Поэтому, они вынуждены прибегать к услугам специалистов - продюсеров.

Продюсерство как особый вид деятельности в сфере шоу-бизнеса, по точному выражению Н.Н. Поплавского, имеет характер креативной реальности культуросозидания [9, с. 17].

Развивая данную мысль К.Е.Амелина и А.С. Черняк настаивают на том, что продюсер - это лицо, которое регулирует (или помогает регулировать) финансовые, организационные, технологические вопросы той или иной деятельности, а также вопросы создания того или иного проекта, это специалист, чья деятельность охватывает несколько профессиональных сфер: менеджмент, деловое администрирование, реклама, коммерция. Продюсер осуществляет свою деятельность с целью создания коммерчески привлекательных проектов, их финансового обеспечения, проведения в отношении них информационно-рекламной политики. Продюсирование направлено на отыскание источника инвестиций и получение максимальной финансовой прибыли [1].

Б.И. Криштул определяет продюсера, в частности кинопродюсера, как предпринимателя, выбравшего полем своей деятельности производство фильмов. Хороший продюсер - это человек, способный понять перспективу и потребности рынка и сочетать это понимание со знаниями в области управления производством и использованием ресурсов в расчете на получение дохода [4, с.15].

По мнению М.И. Косиновой, не только режиссер определяет идеологию фильма-многосторонние (как и производственные) параметры закладываются продюсером... продюсер, как главная фигура в кинопроизводстве, несет полную ответственность за финансирование проекта. С самого первого шага он в процессе поиска средств нуждается в определенных связях с

представителями разного рода организаций (в том числе государственных), которые могут способствовать осуществлению кинопроекта. ... на его плечи также ложатся оценка сценария, экспертная оценка зрительских, художественных достоинств и экономических параметров на стадии разработки проекта, затем формирование команды, выбор тактики производства фильма, его проката, рекламы, контроль съемочного процесса, а в случае необходимости окончательный монтаж [3, с.6].

Нормой ст. 3 Закона Украины «О кинематографии» определено, что продюсером фильма является физическое или юридическое лицо, которое организует или организовывает и финансирует производство и распространение фильма [11].

Несколько более расширено нормативно определено понятие «театральный продюсер». Так, согласно ст.1 Закона Украины «О театрах и театральном деле» данным понятием охватывается юридическое или физическое лицо, которое обеспечивает финансирование, организацию создания, публичного исполнения и (или) публичного показа театральной постановки, гастрольных мероприятий [13].

Таким образом, многофункциональный специалист, каковым является продюсер, способен предоставить творческим людям услуги, позволяющие им в полной мере отдать свои талант и вдохновение на создание качественного произведения, и обеспечить его создание как коммерчески привлекательного продукта в сфере кинематографического или театрального искусства путем осуществления долгосрочных творческих и /

или материальных вложений в объект в сочетании с осуществлением организационных, технических, рекламных, обеспечивающих функций, а также финансового, кадрового и других видов контроля за процессом «творческого производства».

К.В. Москаленко предложено доктринальное определение понятия «продюсерская услуга», как деятельности продюсера, тесно связанной с его личными качествами и направленной на наступление желаемого результата по продюсерскому договору - популяризацию артиста исполнителя. Продюсерские услуги в зависимости от их направленности предложено разделить на три основные группы: креативные, административные и финансовые [7, с.3].

Результат анализа действующего законодательства Украины, свидетельствует, что правовое регулирование продюсерских услуг в Украине распространяется только на сферу кинематографической и театральной деятельности.

Однако, сфера творческой деятельности человека не ограничивается только кинематографом и театром, произведения которых являются лишь одними из множества объектов авторского права и смежных прав, предусмотренных ст.433 Гражданского кодекса Украины [16] и ст.8 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах» [10]. Следовательно и продюсерские услуги могут предоставляться авторам и исполнителям всех видов творческой деятельности в сфере авторского права и смежных прав, а также и иной общественной деятельности, направленной на удовлетворение духовных потребностей человека.

Так, Закон Украины «О налоге на добавленную стоимость», утративший юридическую силу одновременно со вступлением в силу Налогового кодекса Украины 01.01.2011г.[8], в п.п. «г» п.б.1. ст.6 определяя место поставки услуг для целей налогообложения, указывал место, где фактически предоставляются услуги в сфере культурной, артистической, спортивной, научной, образовательной, развлекательной или подобной им деятельности, включил в эту сферу и деятельность организаторов (продюсеров) в таких сферах деятельности, и связанных с ними услуг [12]. То есть, законодатель, опосредованно в нормах налогового права предусмотрел возможность предоставления продюсерских услуг в иных, нежели театральная и кинематографическая, видах деятельности.

Опосредовано в Законе Украины «О телевидении и радиовещании» упоминается о возможности предоставления продюсерских услуг в сфере телевидения и радиовещания. Так, в статье 1 указанного закона, дано определение понятия «студия-производитель (независимый продюсер)» как субъект хозяйствования, который занимается созданием (изготовлением) фильмов, рекламы, отдельных теле- и / или радиопередач либо программ [14]. Таким образом, законодатель допустил возможность предоставления продюсерских услуг и в сфере правоотношений, объектом которых являются смежные права.

Попытка определить место продюсера в системе отношений, регулируемых законодательством о смежных правах, была осуществлена в законода-

закл. культури і мистецтв / М. М. Поплавський. - К., 2001. - 560 с.

10. Про авторське право і суміжні права. Закон України від 23.12.1993 р. // Відомості Верховної Ради України. - 1994. - №13. - ст.64.

11. Про кінематографію. Закон України від 13.01.1998 р. // Відомості Верховної Ради України. - 1998. - №22. - ст. 114

12. Про податок на додану вартість. Закон України від 03.04.1997 р. // Відомості Верховної Ради України. - 1997. - №21. - ст.156. (утратил юридическую силу)

13. Про театри і театральну справу. Закон України від 31.05.2005 р. // Відомості Верховної Ради України. - 2005. - №26. - ст.350.

14. Про телебачення і радіомовлення. Закон України від 21.12.1993 р. // Відомості Верховної Ради України. - 1994. - №10. - ст.43.

15. Хрестоматія по античній літературі. Римська література. В 2 томах. Для вищих навчальних закладів / Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. - Том 2. - М., «Просвещение», 1965. - 680 с.

16. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. // Офіційний вісник України. - 2003. - №11. - ст.461.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФОРФЕТИРОВАНИЯ

В. АНДРИЕНКО,

ассистент кафедры гражданского и хозяйственного права и процесса
Международного гуманитарного университета

SUMMARY

The article refers about the law nature of the contract as forfeiting. Despite the fact that the contract does not fit the classic signs and services is mixed, the author defends its reference to contracts for the provision of financial banking services, as a special subtype and allows them certain conventions. Isolation of it as another contract (assignment of claims, the purchase and sale of property rights, a method of enforcement of monetary obligations or even stop them) has its own disadvantages and will not be accepted by banks of the EU. At the same time drawing attention to other aspects of the contract.

Keywords: monetary obligations, contract, service, forfeiting, the legal nature of.

* * *

В статье говорится о юридической природе форфетирования как договора. Несмотря на то, что такой договор не укладывается в классические признаки услуги и является смешанным, автор отстаивает отнесение его к договорам по оказанию финансовых банковских услуг, как особого их подтипа, и допускает определенные условности. Выделение его как другого договора (уступки права требования, купли-продажи имущественных прав, способа обеспечения исполнения денежных обязательств или даже их прекращения) имеет собственные недостатки и не будет воспринято банками ЕС. Одновременно обращается внимание на другие аспекты такого договора.

Ключевые слова: денежные обязательства, договор, услуга, форфетинг, юридическая природа.

Юридическая природа форфетинга недостаточна однозначна: переуступка права требования по внешнеэкономическому контракту, сам договор, аккредитация, финансовая услуга. Это побуждает нас к необходимости определиться в услуге вообще и финансовой в частности. Если учитывать такой признак услуги как неотделимость от источника ее потребления в процессе ее предоставления, то насчет других банковских услуг возникают серьезные сомнения. То же и по другим признакам услуг в расширенной конструкции. В этой части мы упустим анализ положений доктрины об услугах и обратимся к наиболее полному определению их признаков.

Так В. В. Резникова ее признаками считает: 1) полезный эффект, как особая потребительская стоимость и способность удовлетворять потребности отдельных субъектов; 2) неотделимость от источника ее потребления в процессе ее предоставления; 3) неосязаемость (ее нельзя взять в руки, хранить, транспортировать, складировать); 4) нематериальный характер (ее нельзя продемонстрировать услугополучателю до момента предоставления); 5) качество, дифференцированность качества услуги (если конечный результат (если таковой существует) не наступил, то это не свидетельствует о некачественности оказания услуги); 6) эксклюзивность (услуга

тесно связана с конкретным субъектом правоотношений - исполнителем, а поскольку все исполнители разные, то свойство неотделимости обуславливает специфический признак услуги - ее эксклюзивность); 7) невозможность хранения; 8) неисчерпаемость (независимо от числа ее предоставления, ее собственные количественные характеристики не изменяются) [15, с. 155 - 163]. Очевидно, что в отношении некоторых из них есть определенные вопросы, которые требуют решения. Оно может быть обеспечено путем установления правовой природы договора форфейтинга, которая в юридической литературе почти не исследована.

Поэтому **цель** этой работы заключается в ее установлении и подтверждении официальной версии, которая приведена в актах законодательства о финансовых услугах вообще и банковских услугах в частности.

Объектом исследования является правовая природа договора форфейтинга - разновидности обязательств и правоотношений, а предметом - акты действующего законодательства, практика их применения, научная доктрина.

Основная часть. Установление юридической природы экономического явления (форфейтирование) ведется через его правовую форму и принадлежность к известным классификационным группам, в данном случае договорам. Сложность состоит в том, что такой договор в национальном законодательстве не урегулирован и необходимо опираться на аналогию закона, регулирующего наиболее приближенный договорной институт - факторинг, ст.4 За-

кона Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынка финансовых услуг» [14], где он отнесен к финансовым услугам и закон Украины «О банках и банковской деятельности» [10] - к банковским. В п.5 ч.1 ст.1 первого, финансовая услуга определена как операции с финансовыми активами, которые осуществляются в интересах третьих лиц за собственный счет или за счет этих лиц, а в случаях, предусмотренных законодательством, - и за счет привлеченных от других лиц финансовых активов, с целью получения прибыли или сохранения реальной стоимости финансовых активов.

В Генеральном соглашении по торговле услугами (ГАТС) в 1994 году [4], что действует в системе ВТО, среди 160 видов услуг, сгруппированных в 12 разделов, предусмотрены финансовые, включая страхование форфейтинга, в практике основанной на их послушной конструкции. Такая позиция является бесспорной и поддерживается в практике деятельности банков ЕС и отдельных банков Украины. В то же время очевидно, что такая услуга не бесспорна и не проходит тест на классические признаки услуги, имеет стоимостную оценку и материальное выражение в деньгах, которые форфейтер предоставляет экспортеру за уступку права на получение цены экспортного контракта.

В ст. 901 ГК Украины [16] дано легальное определение договора о предоставлении услуги как договоренности, по которой одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) предоставить услугу, которая потребляет-

ся в процессе совершения определенного действия или осуществления определенной деятельности, а заказчик обязывается оплатить исполнителю указанную услугу, если иное не установлено договором. Заметим, что услуга потребляется в процессе ее предоставления, а полученные от банка деньги за уступку права по внешнеэкономическому контракту рассматриваются как вспомогательная категория.

Стоит заметить, что термин «услуга» имеет узкое и более широкое толкование, в частности торговые услуги (А.В. Кабалкин). Очевидно, что услуги, которые предусмотрены в Генеральном соглашении о торговле услугами, выходят за классические признаки услуги. Это наталкивает на идею более широкой группировки отдельных видов услуг в подтипы договоров такого типа (направленности). К таким подтипам относятся договоры о предоставлении финансовых услуг, предусматривающих государственное регулирование - регуляторное влияние и особый порядок их предоставления финансовыми учреждениями.

Для того, чтобы определить в предмете договора форфейтинга следует выяснить цель его заключения. Если считать, что это финансовая услуга, то необходимо его проверить через ее признаки: если соответствует им, то мы можем отнести его к финансовым услугам. Если же нет, то следует искать другую классификационную группу, а услуги банков по покупке долга импортера отнести к услугам в широком смысле этого слова. В зависимости от этого изменится и типология договора, его видо-

вая и институциональная (субинституциональная) принадлежность. В противном случае следует придерживаться определенных условностей, и даже те, что не имеют признаков услуги, считать особой их разновидностью или промежуточным услугоматериальным, действенным субстратом.

Для этого будем идти от общего (услуга) к специальному (финансовая услуга) и отдельно - форфейтинг как разновидность финансовой услуги. Традиционно определение услуги как предмета договора проявляется в сравнении с наиболее подобным ей объектом гражданских прав - работами. Эти и другие являются разновидностью действий, которые являются применимыми только в отношении правоотношений и не могут существовать вне обязательственных правоотношений. При этом следует учитывать, что объект гражданских прав в договоре превращается в его предмет, а действия по обеспечению предмета - в объект договорного обязательства.

В доктрине права сформированы признаки услуг, в частности юридическое содержание услуг в сфере обслуживания [6, с.108] и их более широкое понимание, чем термина «услуга». К этой сфере отнесли услуги: бытовые, жилищно-коммунальные, транспортные, связи, учреждений культуры, туристско-экскурсионные, лечебно-профилактических учреждений, кредитных и расчетных учреждений, подпадающих под регулирование нормами гражданского права [6, с.23]. Впрочем, С.М. Братусь предостерегал против широкого толкования договоров на оказа-

ние услуг и указывал, что к ним относятся различные с точки зрения юридической природы правоотношения, даже те, что урегулированы другими отраслями права [3, с.194-195]. Это предостережение было, увы, проигнорировано. До сих пор есть двойное значение: широкое и узкое, не определена сфера их применения и существует некоторая путаница относительно определения и трактовки, а это не способствует чистоте понятийного аппарата в науке гражданского права. Определенную лепту в смешивание понятий внесли и нормативные акты в сфере услуг.

В частности речь идет о финансовых услугах. Так, в разъяснении Высшего Арбитражного Суда Украины от 29 апреля 1994 № 02-5 / 293 «О некоторых вопросах практики применения имущественной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение финансовых обязательств» [11] установлено, что денежными являются обязательства, согласно которым должник обязан уплатить определенную денежную сумму по определенной гражданско-правовой сделке. Это определение не безупречно и заслуживает критики: 1) является тавтологичным; 2) ограничивает применение денежных обязательств только сферой договорных обязательств и оставляет за их пределами охранные обязательства, особенно деликтные; 3) сомнителен и сам термин «сделка», который не соответствует терминологии ГК Украины и, в частности его ст. 202.

Привлекает внимание понятие денежного обязательства как такого, которое направлено на уплату денежных знаков как

предоставление материальных вещей, выполняющих в обороте функцию средств обращения [8, с. 154]. Как отметил А.П. Подцерковный - отсутствие целостного отделения денежных обязательств приводит к потере системности и комплексности решения их проблематики [9, с. 20] и, дополним ее отдельных проявлений, в частности относительно банковской услуги вообще и форфейтинга непосредственно. Основным смыслом заключается в обязанности должника уплатить в пользу кредитора определенную денежную сумму расчетом в форме, предусмотренной законом или сделкой, а для кредитора в праве требовать от должника осуществления соответствующего платежа» [1, с. 331].

Денежные обязательства неоднородны и подразделяются по: виду валюты (в национальной, иностранной валюте); способу платежа (наличные, безналичные, виртуальные); степени самостоятельности (самостоятельные и несамостоятельные); направленности (регулятивные и охранительные) [2, с. 97] и т.д. Получается, что денежное обязательство - результат долга, а долг - обязательства. Этим расширяется сфера применения этих обязательств, а через них и подходы к услугам в этой сфере, что соответствует принципу свободы договора (п. 3 ст. 3 ГК Украины), презумпции правомерности сделки (ст. 204 ГК) и принципам договорного права (ст. 628 ГК Украины). Это дает возможность игнорировать определенные постулаты теоретического направления, и в пределах одних типов договоров помещать такие, которые в полной мере отвечают их классическим

признакам. Так случилось с финансовыми услугами и сделками с деньгами. Таким образом, есть основания для выделения денежных банковских обязательств, которые с одной стороны являются разновидностью денежных, а с другой – банковскими, в связи с чем имеют свое собственное правовое регулирование в пределах банковского законодательства. В частности, довольно трудно себе представить, что коммерческий банк может выдать экспортеру деньги для наличных расчетов: они ограничены суммой 150000 грн. Через корреспондентские счета форфейтер может оплатить долги импортера, за что получит дополнительное вознаграждение. Преимущественно форфейтируются клиенты банка, открывшие в нем счет.

А.П. Подцерковный в зависимости от степени самостоятельности денежных обязательств разделил их на 4 группы: в первую он отнес такие, предметом которых могут быть только деньги [9, с.51], в частности: а) оплату процентов (ст.536, ч.2 ст. 625 ГК); б) уплату штрафных санкций; в) о выдаче задатка (пар.5 гл. 49 ГК); г) вытекающих из гарантии (пар.4 гл. 49 ГК, ч.6 ст. 77, ч.2 ст. 183, ст.199-200 ГК Украины [5]. Можно обратить внимание на то, что форфейтинг не упоминается как банковская услуга, однако игнорировать её не стоит. Такой вывод основывается на п. в. 4 Закона Украины «О финансовых услугах и государственном регулировании рынков финансовых услуг». Проблема не в неурегулированности форфейтинга как финансовой услуги. Это при применении аналогии закона и расширенном толковании факторинга

в соотношении общего и специального, преодолевается. Но зачем идти таким сложным путем? Очевидно, что следует это понятие ввести в указанный закон, который консолидирует эти услуги как отдельную группу.

Обращая внимание на то, что: 1) мировой рынок услуг по своим масштабам значительно превышает рынок товаров; 2) развитие рынка финансовых услуг признано одним из приоритетных направлений национальной политики; 3) эти проблемы весьма негативно сказались на рынке финансовых услуг, логично предположить необходимость более гибкого упорядочения отношений по регулированию рынка финансовых услуг на Украине и разработки соответствующих предложений для внесения в действующее законодательство.

В Законе Украины «О банках и банковской деятельности» непосредственно указывается цель предоставления услуг в сфере денежного обращения, а в Законе «О финансовых услугах и государственном регулировании финансовых услуг» дано легальное определение финансовой услуги. В позитивном праве имеется понятие «поставка услуги». В Генеральном Соглашении по торговле услугами 1994 [4] «поставка услуг» означает не только продажу услуги, но и ее производство (предоставление), распределение, маркетинг, продажу и доставку; то есть весь комплекс осуществления процесса предоставления услуги от начала до конца. Такие услуги предоставляются на национальном и международных рынках. Согласно ст. 4 Закона Украины «О внешнеэкономической деятельности»

[13], к внешнеэкономическим контрактам отнесена и деятельность по предоставлению услуг. Регулирование международного обмена финансовыми услугами сложнее регламентации торговли товарами так как зависит от режима импорта инвестиций для создания зарубежных постоянных представительств и для репатриации капиталов, полученных за предоставленные услуги за рубежом, а так же для осуществления там банковского и страхового бизнеса.

Наконец допускается возможность сопровождения услуги соответствующим материальным результатом [7, с.215]. Такой подход отражает иное толкование услуги как разновидности предпринимательства или особенно проявления товара. Проекция этой конструкции на форфейтинг даёт положительный ответ: деятельность банка по предоставлению форфейтинговых услуг является его профессиональной специализацией, а форфейтирование направлено на оплату полученного по внешнеэкономическому контракту экспортного товара при условии отсутствия у экспортера оборотных средств. Поэтому очевидно, что ряд признаков классической услуги форфейтингу не свойственны, но это не повод тут же заявлять о грубой концептуальной ошибке, тем более, что такая конструкция устоялась и вред от этого минимален. Одно дело доктрина, а с другой стороны действующее законодательство, которое должно сохранить разграничение типов договоров по их основной правовой цели и обеспечивать свободу договора через известные конструкции смешанного и комплексного типа.

В этом смысле не исключе-

на и финансово-услуговая конструкция договора форфейтинга как особого смешанного подтипа договоров по оказанию услуг. Тем более, что согласно ч.2 ст. 656 ГК Украины предметом договора купли-продажи могут быть имущественные права, а её ч. 3 и право требования, если требование не имеет личного характера. При этом, к договору купли-продажи права требования применяются положения об уступке права требования, если иное не установлено договором или законом. Такое важное положение позитивного права наталкивает нас на идею о принадлежности договора форфейтинга к договорам типа купли-продажи. Однако вряд ли на этом следует выстраивать самодостаточную его модель и исключать его из услуг. Тем более, что это действительно является финансовой услугой так как банк обязан уплатить по внешнеэкономическому контракту, а взамен получает имущественные активы должника по контракту. Договор форфейтинга является основанием наряду с другими для зачисления поступлений на счет экспортера. Благодаря этому за права требования по внешнеэкономическому контракту экспортер получает в собственность денежные средства и имеет на них все правомочия собственника: право владения в установленных пределах - другие средства находятся на счетах, право распоряжения и право пользования.

Очевидно, что в данном случае мы имеем по крайней мере со стороны экспортера материальный результат. Отсюда справедливо сделать взвод о том, что форфейтирование можно рассматривать: 1) как услугу в ши-

роком смысле; 2) как финансовую услугу с денежным элементом. Что касается импортера, то он становится должником банка, который выкупил его задолженность по торговому контракту. В этом и заключается услуга банка. Как бы ни было соблазнительно опровергнуть юридическую природу форфейтинга как услуги, с этим, на наш взгляд, не согласится европейское сообщество и банки, и только можно смириться с его нынешним регулированием как банковской смешанной услуги.

Литература:

1. Безклубий І.А. Грошові зобов'язання у цивільному праві / І.А. Безклубий. // Еволюція цивільного законодавства: проблеми теорії і практики. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. 29-30 квітня 2004 р., м. Харків. –К.: Академія правових наук України, НДІ приватного права і підприємства, НДІ інтелектуальної власності, Національна юридична академія ім. Ярослава Мудрого, 2004. – С.327 – 337.
2. Беяневич О.А. Господарське договірне право України (теоретичні аспекти): Монографія. / О.А.Беяневич. — Юрінком Інтер, 2006. — 592 с.
3. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. / С.Н. Братусь. –М.: Госюриздат, -1963. – 198 с.
4. Генеральна Угода по торгівлі послугами 1994 р. Електронний ресурс. Режим доступу: // http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/981_017
5. Господарський кодекс України в редакції від 16 січня 2003 року зі змінами і доповненнями // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 18–22. – Ст. 144.
6. Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению потребностей граждан./

Под ред. В.П.Грибанова, - М.: Изд-во МГУ, 1989. – 223с.

7. Завидов Б. Д. Договорное право России . Б.В. Завидов. – М.: ИПК “Лига Разума”, 1998. – 528 с.

8. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. / Л.А.Лунц. – М.: Статут. 1999. – 352 с.

9. Подцерковний О.П. Грошові зобов'язання господарського характеру: проблеми теорії і практики. Видання перше. / О.П. Подцерковний. – Київ: «Юстініан». 2006. – 424 с.

10. Про банки та банківську діяльність: Закон України від 20.03.1991, № 872-ХІІ. Електронний ресурс. Режим доступу: // zakon.rada.gov.ua/go/2121-14

11. Про деякі питання практики застосування майнової відповідальності за невиконання чи неналежне виконання грошових зобов'язань: Роз'яснення Вищого Арбітражного Суду України від 29 квітня 1994 р. № 02-5/293 Електронний ресурс. Режим доступу: // zakon.rada.gov.ua/laws/show/v_293800-94

12. Про зовнішньоекономічну діяльність: Закон України від 16 квітня 1991р. //Відомості Верховної Ради Української РСР. –1991. –№29. – Ст. 377.

13. Про фінансові послуги та державне регулювання ринку фінансових послуг: Закон України від 12 лип. 2001 Електронний ресурс. Режим доступу: // zakon.rada.gov.ua/go/2664-14

14.Резнікова В.В. Правове регулювання посередництва у сфері господарювання (теоретичні аспекти) : монографія / В. В. Резнікова. Київ. нац. ун-т ім.Тараса Шевченка.. –. Хмельницький, 2010. — 706 с .

15. Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України, –2003 р., – NN 40-44. – Ст. 356

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

А. АНИСИМОВА,

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

SUMMARY

The article contains the theoretical analysis of the issues, related to the realization of ecological rights and duties of citizens as well as their correlation. On its basis a complex research of legal categories and problems, relatively environmental and legal status of citizen, was made, the features of correlation of ecological rights and duties are examined, an attempt to study the influence of environmental-legal doctrine on forming of general theoretic positions of environmental law so as to overcome contradictions and eliminate the gaps in environmental legislation is undertaken. The present paper also deals with the perfection and further codification of the environmental law taking into account the accumulated experience and standards.

Key words: natural ecological rights and duties, environmental rights and duties, ecological relations, the environment law, environmental legislation, environmental-legal doctrine, environmental and legal status of citizen, correlation.

* * *

Статья содержит научно-теоретический анализ вопросов, связанных с реализацией экологических прав и обязанностей граждан, их корреляцией. На его основе проведено комплексное исследование правовых категорий и проблем, относительно эколого-правового статуса граждан, рассматриваются особенности соотношения экологических прав и обязанностей. Автором предпринята попытка изучить влияние естественно-правовой доктрины на формирование общетеоретических положений экологического права, при этом предложены пути преодоления противоречий и нивелирования пробелов в экологическом законодательстве, его совершенствования и дальнейшей кодификации с учетом накопленного мирового опыта и международных стандартов.

Ключевые слова: естественные экологические права и обязанности, экологические права и обязанности, экологические отношения, экологическое право, экологическое законодательство, эколого-правовая доктрина, эколого-правовой статус гражданина, корреляция.

Постановка проблемы. Разработка современной доктрины экологического права тесно переплетается с выявлением особенностей взаимодействия общества и природы, обеспечением требований экологической безопасности и поддержанием экологического равновесия на территории нашего государства, возможностью реализации и гарантирования их экологических прав и обязанностей, а также исследованием эколого-правового статуса субъектов экологических отношений. В статье представлены теоретические обобщения и новые подходы к научной проблеме законодательного обеспечения экологических прав и обязанностей, их корреляции. Получили дальнейшее развитие научные идеи относительно правовой

природы экологических прав и обязанностей, проанализировано их взаимодействие, обоснованы их особенности и элементы, условия реализации. С учетом анализа правоприменительной практики и действующего экологического законодательства сделаны выводы о необходимости дальнейшей кодификации последнего.

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью углубленного и всестороннего исследования взаимодействия между экологическими правами и обязанностями граждан, правового механизма их реализации и гарантирования, что способствует недопущению нарушения прав, обязанностей и законных интересов граждан в сфере экологических отношений. К сожалению, следует

отметить, что обязанности гораздо меньше изучены учеными, чем права, следовательно, экологические обязанности как юридические категории сложнее воспринимаются и осознаются на уровне общественного и индивидуального сознания.

Осуществляя правовое регулирование, законодатель обязан гарантировать защиту экологических прав и обязанностей, не забывая при этом о необходимости соблюдать гармоничное взаимодействие природы и общества, эколого-сбалансированного природопользования, определив объем их нормативного содержания, механизмы реализации при взаимодействии.

Состояние исследования. В последние годы анализу разнообразных аспектов экологиче-

ских прав человека и граждани-на посвящено немало научных трудов В.И. Андрейцева, А.В. Анисимовой, Г.И. Балюк, М.И. Васильевой, А.П. Гетьмана, Е.И. Ефимовой, Н.Р. Кобецкой, К.В. Медведева, Т.В. Морозовской, Ю.С. Шемшученко и других авторов, однако вопросу правового регулирования экологических обязанностей до сих пор не было уделено надлежащего внимания [12].

Теоретической и практической основой работы стали труды и выводы специалистов, исследующих различные сферы юридической науки, в частности, конституционное право (Ю.Н. Тодыка, Т.Н. Слинько, Л.И. Летнянчин, Ю.Г. Барабаш, Е.В. Пушкина), международное право (С.В. Шевчук, Л.Д. Тимченко, Л.А. Канаева, Г.О. Третьякова), теорию государства и права (Н.И. Матузов, А.В. Малько, С.С. Алексеев, П.М. Рабинович, Н.В. Витрук, Т.И. Пашук, О.Ф. Скакун, С.П. Добрянский, О.З. Панкевич, А.Н. Колодий, А. Е. Олейник), гражданское право (В. П. Грибанов, А.П. Вершинин, А.В. Власова) и другие.

Особое внимание следует обратить на монографическое издание «Правовая доктрина Украины», которое стало результатом исследования, проведенного авторским коллективом Национальной академии правовых наук Украины и в котором изложены научные взгляды относительно философско-правовых, методологических и науковедческих основополагающих начал правоведения, доктринальных подходов к верховенству права, правам человека и правовой системе,

праводоктринальных концепций современной украинской государственности и историко-правовых доктрин [7].

Подытоживая, отметим, что, несмотря на теоретическую и практическую необходимость изучения этого вопроса, в отечественной правовой науке ему не уделено должного внимания. А значит, что в осмыслении нуждаются генезис, эволюция и дальнейшее развитие корреляции экологических прав и обязанностей граждан.

Целью статьи является анализ, всестороннее и комплексное изучение корреляции экологических прав и обязанностей граждан с учетом воздействия на нее естественно-правовой доктрины. Для этого необходимо решить ряд задач: (а) провести комплексное исследование существующих научных концепций, раскрывающих взгляды на экологические права и обязанности граждан, в том числе и естественные; (б) изучить правовые категории и раскрыть понятие «экологические права и обязанности»; (в) рассмотреть соотношение и единство экологических прав и обязанностей в системе экологических отношений и законодательства; (г) обосновать целесообразность изменения законодательных норм в сфере регулирования экологических прав и обязанностей, учитывая накопленный мировой опыт и существующие международные стандарты.

Изложение основного материала. В литературе, в том числе и юридической, для раскрытия проблемы соотношения прав и обязанностей, наряду с термином «соотношение» ис-

пользуют синонимы этого слова, такие как корреляция, паритет, пропорция, связь, соответствие, сходство, аналогичность, гармония и пр. С нашей точки зрения, наиболее удачными для юриспруденции являются понятия «соотношение» и «корреляция», при этом последнее [происходит от позднелат. *correlatio* – соотношение], следует понимать как взаимосвязь, взаимозависимость, соотношение предметов или понятий [11, 634]. В Словаре русских синонимов корреляция толкуется как соотношение, соотнесение, взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность, взаимосоответствие [10]. Безусловно, корреляция – более широкое и емкое понятие, которое наиболее удачно подходит для определения и взаимосвязи, и соотношения, и единства экологических прав и обязанностей.

Вместе с вышеуказанными терминами в работах ученых встречаются «единство», «сочетание», «корреспонденция», «равенство», «взаимосвязь» прав и обязанностей, реже используются «сбалансированность», «согласованность» [1, с. 151]. Еще в 1980 г. специалистами отмечено, что каждое из этих понятий отражает определенный аспект взаимосвязи прав и обязанностей: ««единство» относится к социальному источнику и социальному назначению прав и обязанностей, которые ... едины; «сочетание» выражает факт соответствия общественных и личных интересов, их координацию, в масштабе конституционных отношений; «корреспонденция» подразумевает соотношение

прав и обязанностей в рамках конкретных правоотношений; «равенство» выступает как один из основополагающих принципов построения правового статуса личности. «Взаимосвязь» прав и обязанностей является наиболее общим по сравнению с перечисленными выше понятиями и в обобщенной форме вбирает в себя их содержание» [5, с. 93].

В целом проблема взаимосвязи экологических прав и обязанностей многоаспектна, связанна с историческими, социально-политическими, философскими, юридическими, нравственными, психологическими и иными сферами. Современные стандарты прав и свобод человека, закрепленные в международно-правовых документах и в национальном законодательстве, являются следствием длительного противостояния индивида и власти. В этой связи, обоснованным следует считать мнение о том, что эволюция человеческого общества представляет собой прогрессивное развитие свободы. Однако категория «социальные свободы» может рассматриваться только в контексте с категорией социальной ответственности, что на наш взгляд, не только указывает, но и подтверждает сложные связи между государством и индивидами, которые фиксируются государством в юридической форме, а именно: права, свободы, обязанности и взаимная ответственность [8, с. 342]. Однако экологические права и обязанности как самостоятельные категории находятся в постоянной взаимосвязи при регулировании общественных экологических

отношений. Когда речь идет о единстве экологических прав и обязанностей, его, как правило, рассматривают в узком и широком аспекте. В первом случае имеется в виду единство исслеуемых категорий, которое возникает между конкретными субъектами в рамках четко очерченных экологических отношений, а во втором же касается моментов, когда один и тот же субъект обладает определенным комплексом экологических прав и обязанностей, объясняет абсолютные экологические отношения с неограниченным кругом обязанных лиц.

С учетом сказанного добавим, что в юридической науке сложилось несколько подходов к пониманию соотношения прав и обязанностей, а именно: (1) «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», формулировка Ф. Энгельса; (2) осуществление любого права нельзя обуславливать выполнением конкретной обязанности; (3) права человека неотъемлемы и не зависят от выполнения обязанностей, однако права граждан связаны с выполнением его обязанностей перед государством; (4) реализация субъективного права обеспечивается юридическими обязанностями других субъектов [4, с. 50]. В современных условиях наиболее подходящими для эколого-правовой доктрины, на наш взгляд, являются первый и четвертый подходы, а для естественных экологических прав и обязанностей, несомненно, первый (для естественно-правовой доктрины).

В этом контексте следует отметить, что экологические права

и обязанности являются результатом «компромисса» между естественно-правовым и позитивным типом правопонимания. Они относятся к естественным неотчуждаемым, но таким, когда жизненно необходимые факторы определены состоянием социально-экономического развития, способствуют и требуют введения их в предмет законодательного регулирования и гарантирования со стороны государства, что и закреплено в действующей Конституции Украины и трансформируется в эколого-правовые и иные нормативные акты.

Особенное внимание надо обратить на то, что вместе с общепризнанными естественными экологическими правами существуют и естественные обязанности, которые являются неотъемлемыми, неотчуждаемыми и присущими каждому от рождения. По этому поводу П.М. Рабинович отмечает, что права человека – это определенные возможности человека, которые необходимы для удовлетворения потребностей его существования и развития в конкретно исторических условиях, объективно определяются достигнутым уровнем развития общества и обеспечены обязанностями других субъектов [9, с. 20]. В общей теории права, по мнению В.Д. Перевалова, обязанности следует подразделять на естественные, носителями которых являются человек и общество, и юридические, носители – граждане, государство, его органы, они отражены в позитивном праве. Естественные обязанности соответствуют основным естественным правам

человека [6, с. 502-503]. В свою очередь Р. Р. Каримова так обосновывает парадигму юридических обязанностей, имеющих естественно-правовое содержание и функционирующих в формах позитивного права: естественные обязанности в каждом конкретном обществе таковы, каковы критерии справедливости, определяющие их содержание [3, с. 47-48]. В отечественной эколого-правовой науке вопрос относительно естественно-правового характера экологической обязанности до сих пор остается дискуссионным. Как уместно отмечают сторонники этой теории, естественно-правовое содержание юридической обязанности включает: (а) справедливость, детерминированную естественными, биологическими, культурными факторами, и (б) внутреннюю совесть и вину, которые также основываются на социально-биологических истоках личности. В отечественной эколого-правовой науке вопрос относительно естественно-правового характера экологической обязанности до сих пор остается дискуссионным. Степень экологического сознания, правосопонимания, совести способствуют формированию собственного понимания обязанности.

Общеизвестно, что основополагающие экологические права относятся к естественным и гарантируются каждому как наивысшие социальные ценности (ст. 3 Конституции Украины). Добавим, экологические права и обязанности закреплены как в Основном законе нашего государства [2, 1996. – № 30. – Ст. 141], так и в дей-

ствующем законодательстве. Их регламентация на конституционном уровне дает возможность утверждать, что они, во-первых, регулируют жизненно необходимые и значимые экологические отношения; во-вторых, создают юридическую базу для формирования всей системы экологических прав и обязанностей; в-третьих, относятся к неотъемлемым, неотчуждаемым, а основополагающие – к естественным правам и обязанностям; в-четвертых, имеют наивысшую юридическую силу; в-пятых, подлежат повышенной защите. Именно закрепление и обеспечение экологических прав и обязанностей граждан является прямым подтверждением признания государством приоритетности стандартов и норм международного экологического права.

В современных условиях граждане должны четко знать собственные экологические права и обязанности, осознавать их, обладать высоким уровнем экологической культуры. В законе Украины «Об Основных принципах (и государственной экологической политики Украины на период до 2020 года» от 21.12.2010 г. № 2818-VI [2, 2011. - № 26. - Ст. 218] к стратегическим целям и заданиям национальной экологической политики отнесено повышение уровня общественного экологического сознания путем включения вопросов формирования экологической культуры, экологического образования и просвещения в государственные целевые, региональные и местные программы развития.

Естественные экологические

права человека предполагают столь же естественные его обязанности, и эти два начала призваны взаимодействовать и уравновешивать друг друга. Обязанности обеспечивают поддержание баланса экологических интересов в обществе, а экологический интерес, в свою очередь, побуждает к возникновению экологических прав и обязанностей граждан. Однако при этом каждому человеку нужно учитывать не только собственные (индивидуальные), но и публичные экологические интересы. Последние, безусловно, должны рассматриваться как приоритетные. Анализ экологического законодательства, учебно-методической и монографической литературы позволяет констатировать, что экологические права, с одной стороны, и обязанности – с другой, имеют тесную взаимосвязь и не могут существовать отдельно друг от друга. Экологические права и обязанности граждан, являясь самостоятельными правовыми категориями, могут рассматриваться как отдельные элементы эколого-правового статуса индивида, правоотношения, закрепленные в законодательстве. Таким образом, они выступают все вместе во взаимодействии, в единстве, в комплексе. Экологические права и обязанности существуют и реализуются в рамках правоотношений, обусловленных их корреляцией. Мера экологической обязанности может устанавливаться различными способами, например, в законодательства, путем реализации гарантий прав и самих обязанностей. Зависит (мера) от объема регулирования их ре-

лизации. Основная проблема – отсутствие четкой корреляции меры экологической обязанности и права, что не позволяет определить объем экологической обязанности.

Говоря о единстве экологических прав и обязанностей, нужно добавить, что прослеживается взаимосвязь указанных правовых явлений, их определенное взаимодействие и корреспондирование, гармоничное развитие. Они в своем единстве образуют целостную систему, которая обеспечивает функционирование всей системы эколого-правовых общественных отношений. Корреляция прав и обязанностей способствует уравниванию общественного состояния, другими словами режим наибольшего благоприятствования для повседневной жизнедеятельности людей. Такое сочетание устанавливает разумный баланс интересов всех членов и составных частей общества, способствует достижению согласия, взаимопонимания и социального компромисса между ними, то есть выступает средством гармонизации интересов государства и личности, а также интересов граждан в их взаимоотношениях друг с другом. Иным путем трудно добиться желаемого социального эффекта [13, 101].

Экологические права как вид субъективных прав представляют собой совокупную меру возможного поведения в сфере обеспечения экологической безопасности, принадлежности экологических объектов, их использования, восстановления (воссоздания) и охраны окружающей среды. Как уже отме-

чалось, основополагающие экологические права принадлежат к естественным. Речь идет, прежде всего, о праве на (а) частную собственность, (б) безопасную окружающую среду, (в) получение экологической информации, (г) на возмещение убытков, причиненных экологическими правонарушениями, и тому подобное. На основании изложенного можно сделать вывод, что законодательством гражданину предоставляется юридическая возможность: (1) пользоваться окружающей природной средой как естественной средой обитания, пригодной для жизни и соответствующей требованиям экологической безопасности; (2) требовать от государства, всех юридических и физических лиц выполнения ими обязанностей по использованию, восстановлению и охране окружающей среды, обеспечению его экологической безопасности; (3) обращаться в необходимых случаях к государственной или общественной защите своего нарушенного права.

Необходимо всегда помнить, что экологические обязанности – это разновидность социальной категории, мера социального поведения лица, элемент социальной свободы. Они рассматриваются как морально-этические требования общества к гражданам, согласуются с публичными и частными экологическими интересами. Обязанности – один из главных рычагов, который способствует очерчиванию пределов реализации прав. Их относят к элементам, выполняющим ограничительные функции права. Именно обязанности рассматриваются как относительно

самостоятельное направление юридического влияния на сознание, волю и поведение людей. Они сориентированные на обеспечение требований экологической безопасности, поддержку экологического равновесия и тому подобное, а также имеют существенное значение для реализации гарантирующей, воспитательной функции права и содействуют развитию личности, ее экологического правосознания.

Следовательно, экологические обязанности уместно рассматривать как разновидность юридических обязанностей, вид и меру надлежащего и общественно необходимого поведения субъектов, причем основные из них относятся к естественным. Все это должно отвечать предписаниям, запретам, стимулам, закрепленным на национальном уровне государством и международным содружеством (международным стандартам в отрасли обязанностей человека) для обеспечения требований экологической безопасности, создания благоприятных условий для жизнедеятельности, установления принадлежности природных объектов и комплексов, использования, восстановления, охраны природных объектов, защиты экологических прав и интересов граждан, гармонического взаимодействия природы и общества. Добавим, что они также являются средством обеспечения экологических прав граждан, рассматриваются и как мера государственного принуждения. В качестве сущности экологической обязанности выступает его императивное, безусловное, правомерное, над-

лежащее поведение, которое определяется в соответствии с требованиями законодательства и в договорах. Столь сложное переплетение прав и обязанностей сторон, образующих содержательную сторону договоров в сфере экологии, обуславливает необходимость введения в законодательство правил определения общих и специальных норм, их соотношения и применения.

Подытоживая, отметим, что понятие экологических прав и обязанностей целесообразно закрепить в Законе Украины «Об охране окружающей природной среды» в статьях 9 и 12 соответственно, а при дальнейшей кодификации в Экологическом кодексе Украины в статье «Основные понятия» или «Определение основных терминов».

Выводы. На основании проведенного научного исследования можно сделать выводы, что экологические права и обязанности (а) имеют одинаковую ценность и значимость для общества, (б) общие цели и задачи реализации (в) являются динамичными категориями, развитие которых объясняется разными факторами, (г) учитывают основные положения естественно-правовой доктрины, (д) диалектически взаимодействуют как парные правовые категории, (е) гарантированы государством. Корреляцию экологических прав и обязанностей граждан целесообразно закрепить как один из основных законодательных принципов права. Принимая во внимание вышеизложенное, отметим, что понятие «экологические права и обязанности», особенности их взаимодействия целесообразно

учитывать при дальнейшей кодификации действующего экологического законодательства.

Литература:

1. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. Реальный социализм: теория и практика / Н. В. Витрук. – М.: Юрид. лит., 1985. – 176 с.
2. Відомості Верховної Ради України.
3. Каримова Р.Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / Р.Р. Каримова. - Екатеринбург, 2008. – 228 с.
4. Карманюк О. П. Суб'єктивні права і юридичні обов'язки в контексті утвердження законності в українському суспільстві / О. П. Карманюк // Часопис Київського університету права. – Теорія та історія держави і права. Філософія права. – 2012. – № 3. – С. 48-52.
5. Конституционный статус личности в СССР / ред. и предисл.: Н. В. Витрук, В. А. Масленников, Б. Н. Топорнин. – М.: Юрид. лит., 1980. – 245 с.
6. Перевалов В.Д. Обязанности человека и гражданина / В.Д. Перевалов // Теория государства и права. – М., 1995. – С. 502-503.
7. Правова доктрина України : моногр. [у 5 т.] / [В. Я. Тацій, О. Д. Святоцький, С. І. Максимов та ін.] ; за заг. ред. О. В. Петришина. – Т. 1 : Загальнотеоретична та історична юриспруденція. – Х. : Право, 2013. – 976 с.
8. Правова доктрина України : моногр. [у 5-ти т.] / [Ю. С. Шемшученко, А. П. Гетьман, В. І. Андрейцев та ін.] ; за заг. ред. Ю. С. Шемшученка. – Т. 4: Доктринальні проблеми екологічного, аграрного та господарського права. – Х. : Право, 2013. – 848 с.
9. Рабінович П. М. Основоположні права людини: соціально-антропна сутність, змістова класифікація / П. М. Рабінович // Право України. – 2010. – № 2. – С. 18-23.

10. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/

11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 1600 с.

12. Тагієв С. Р. Обов'язки фізичних осіб в галузі охорони довкілля : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 «Земельне право; аграрне право; екологічне право; природо-ресурсне право» / С. Р. Тагієв ; НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. – К., 2009. – 209 с.

13. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 2004. – 268 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК НАЛОГОВОГО ПРАВА УКРАИНЫ

О. БАИК,

кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданского права и процесса
Учебно-научного Института права и психологии
Национального университета «Львовская политехника»

SUMMARY

On the basis of international legal acts, current Ukrainian legislation, and legal literature, the article reveals the concept «international treaty», which is used in national legislation of our state. The author of the article, pays attention to the peculiarities of application of the international treaty in Ukraine, for instance: the procedure of conclusion, fulfillment and termination of international agreement. The article also defines elements and structure of the international agreement in Ukraine. The essence of the international treaty as a source of international Ukrainian tax law is analyzed. The author characterizes peculiarities of application of international treaties on avoidance of double taxation, which are the most effective way to eliminate international double taxation.

Key words: international treaty, tax law of Ukraine, source of tax law, double taxation.

* * *

В статье на основе международно-правовых актов, действующего законодательства Украины и юридической литературы раскрывается термин «международный договор», который используется в национальном законодательстве нашей страны. Обращается внимание на особенности его использования в Украине, а именно: порядок заключения, исполнения и прекращения действия международных договоров, также определяются элементы и структура международного договора в Украине. Рассматривается сущность международного договора как источника налогового права Украины. Характеризуется особенность применения в Украине международных договоров с целью избежания двойного налогообложения, которые являются наиболее действенным способом по устранению международного двойного налогообложения.

Ключевые слова: международный договор, налоговое право Украины, источник налогового права, двойное налогообложение.

Постановка проблемы. Налоговое право Украины постоянно обновляется с целью адаптации международных правовых норм, регламентирующих отношения в сфере налогов. Постоянно вносятся изменения в действующее налоговое законодательство Украины с учетом ситуации, которая имеет место в экономической и социально-политической сфере. Этому способствуют дискуссии как до, так и после принятия Налогового кодекса Украины, что свидетельствует о необходимости дальнейшего реформирования налоговой сферы, а также исследование отдельных понятий и терминов, применяемых в Налоговом кодексе Украины [1]. В частности, нуждается в исследовании содержание поня-

тия «международный договор» в сфере налогового права и его применения в качестве источника, регулирующего международные налоговые отношения, в которых принимает участие Украина.

Цель статьи заключается в характеристике термина «международный договор» и анализе его использования в налоговом праве Украины как одного из его основных источников.

Состояние исследования. Теоретические вопросы определения понятия «международный договор» и его применение в научно-правовой деятельности является темой исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако проблемные аспекты по этому вопросу учеными освещены лишь

в отдельных работах. Международный договор как основной источник налогового права исследовали Ю. Анистратенко, Ю. Бысага, Н. Блащук, Т. Бугай, Д. Булгакова, Я. Греца, Р. Дорнберг, Л. Касьяненко, В. Кононенко, Д. Кривенко, М. Кучерявенко, М. Мельник, Н. Прышва, В. Ротань, К. Савчук, П. Селезень, М. Сидак, И. Самсин, Л. Тымченко, А. Цымбалюк, А. Ярема, В. Ярема и др.

Фундаментальной работой по этой проблеме является монографическое исследование авторского коллектива под общей редакцией Л. Тымченко «Применение международных налоговых договоров: теория и практика» (2013), в котором рассмотрены теоретико-методологические основы при-

менения международных налоговых договоров [2].

Для решения поставленной цели также использованы отдельные национальные и международные нормативно-правовые акты.

Изложение основного материала. Одним из основных источников налогового права Украины кроме Конституции Украины, Налогового кодекса Украины, Таможенного кодекса Украины и других нормативно-правовых актов, которыми урегулирована налоговая сфера, является международный договор.

В Украине процесс договорного оформления отношений между государствами, в частности Киевской Руси с Византией, берет начало в 860 г., когда Киевский князь Аскольд обступил г. Константинополь и добился выгодной для себя сделки, которая, вероятно, обеспечивала права купцов Киевской Руси в Византии. Текст этого договора не сохранился. Первый известный историкам договор Руси с Византией заключен в 911 г. между князем киевским Олегом и императором Львом V и его соправителем Александром. Ему предшествовала сделка, совершенная в 907 г. После победоносного похода Олега на Константинополь, в которой сохранились две отсутствующие в договоре 911 г. статьи: уплата одноразовой дани империей русичам и их право на беспошлинную торговлю в Византии. Главной целью Руси было добиться привилегий для купцов: к середине XI в. торговля ориентировалась на византийские рынки, где князь, бояре и дружинники

сбывали дань, собранную во время полюдья и др. Договор 911 г. создавал режим наибольшего благоприятствования русичей на рынках империи, то же самое – византийским купцам на Руси. Таким образом Киевская Русь добивалась признания на международной арене [3, с. 73].

Эволюционные изменения в содержании международных договоров способствовали выработке следующего его определения. На сегодня международный договор – это соглашение между государствами и / или другими субъектами международного права, регулирующего их взаимоотношения в определенной сфере путем установления, изменения или прекращения для ее участников прав и обязанностей в соответствии с основными принципами международного права [4, с. 211]. В международной практике кроме термина «международный договор», применяются и другие наименования: «соглашение», «конвенция», «пакт», «протокол», «трактат», «регламент», «устав», «совместное заявление», «хартия», «меморандум», «акт», «камюнике» и др.

В праве Европейского Союза термин «международный договор» имеет некоторые особенности, которые более подробно характеризуют межинституциональные соглашения, решения Совета Европейского Союза и различные приложения в учредительные договоры [5, с. 5, 13].

В Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [6], определено, что государства-участники настоящей Конвенции, учитывая важнейшую роль договоров в

истории международных отношений, признавая возрастающее значение договоров как источника международного права и как средства развития мирного сотрудничества между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе ..., договорились о том, что настоящая Конвенция применяется к договорам между государствами (ст. 1 Конвенции). Статьей 2 этой Конвенции определено, что «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Венской конвенцией о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. определено ее применение к договорам между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями, и к договорам между международными организациями (ст. 1) [7].

Статьей 9 Конституции Украины определено, что «действующие международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины» [8]. Согласие Верховной Рады на обязательность для Украины международных договоров предоставляется в форме рати-

фикации, утверждения международных договоров или присоединения к ним [9, с. 170].

Законом Украины от 29 июня 2004 г. «О международных договорах Украины» установлен порядок заключения, исполнения и прекращения действия международных договоров Украины с целью надлежащего обеспечения национальных интересов, осуществления целей, задач и принципов внешней политики Украины, закрепленных в Конституции и законодательстве Украины. Настоящий Закон применяется ко всем международным договорам Украины, регулируемых нормами международного права и заключенных в соответствии с Конституцией Украины и требованиями этого Закона (ст. 1). Статьей 2 Закона также определено, что международный договор Украины – заключенный в письменной форме с иностранным государством или другим субъектом международного права, который регулируется международным правом, независимо от того, содержится договор в одном или нескольких связанных между собой документах, и независимо от его конкретного наименования (договор, соглашение, конвенция, пакт, протокол и т.д.) [10].

Заключение международного договора Украины – действия по подготовке текста международного договора, его принятие, установление его аутентичности, подписание международного договора и предоставление согласия на его обязательность для Украины (ст. 2 Закона Украины «О международных договорах Украины»). Международные договоры Украины заключают-

ся: – Президентом Украины или по его поручению – от имени Украины; – Кабинетом Министров Украины или по его поручению – от имени Правительства Украины; – министерствами и другими центральными органами исполнительной власти, государственными органами – от имени министерств, других центральных органов исполнительной власти, государственных органов (п. 1 ст. 3 Закона Украины «О международных договорах Украины») [10].

Статьей 16 Закона Украины «О международных договорах Украины» предусмотрено выполнение международного договора через Министерства и другие центральные органы исполнительной власти, к ведению которых отнесены вопросы, регулируемые международными договорами Украины, обеспечивающих соблюдение и выполнение обязательств, взятых по международным договорам Украины, следят за осуществлением прав, вытекающих из таких договоров для Украины, и за выполнением другими сторонами международных договоров Украины их обязательств.

Прекращение и приостановление действия международного договора определено статьей 24 Закона Украины «О международных договорах Украины». Предложения о прекращении или приостановлении действия международных договоров Украины вносятся Министерством иностранных дел Украины, другими центральными органами исполнительной власти и государственными коллегияльными органами в соответствии с порядком, установлен-

ным статьей 4 настоящего Закона для внесения предложений по заключению международного договора Украины.

Прекращение и приостановление действия международного договора Украины осуществляются: а) по договору, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины, – форме закона Украины; б) в отношении международных договоров, заключенных от имени Украины и не нуждающихся в согласовании их обязательности Верховной Радой Украины, и международных договоров, заключенных от имени Правительства Украины, утвержденных Президентом Украины, – в форме указа Президента Украины; в) в отношении международных договоров, заключенных от имени Правительства Украины и не нуждающихся в согласовании их обязательности Верховной Радой Украины или утверждения Президентом Украины, а также межведомственных договоров, утвержденных Кабинетом Министров Украины, – в форме постановления Кабинета Министров Украины [10].

В международном договоре принято выделять его [2, с. 25]: 1) цель – это те конечные результаты, которых стремятся достичь субъекты международного права, заключая договор. Обычно, она закрепляется в преамбуле или начальных статьях договора; 2) объект – международные отношения, урегулированные нормами, содержащимися в договоре. Субъекты международного права, исходя из своих взаимных интересов, вправе выбрать конкретный объ-

ект договора. Чаще всего объект договора можно «вывести» из его наименования; 3) предмет – это конкретные материальные или нематериальные блага, охранять или обеспечивать которые призвано международное соглашение; 4) стороны – субъекты международного права, обладающие правоспособностью на их заключение.

Структура международного договора, как правило, состоит из трех главных элементов [4, с. 212]: 1) преамбула (введение) указывает на мотивы, цели и принципы заключения договора; 2) центральная часть содержит постановления по существу регулирования отношений; 3) заключительная часть устанавливает порядок выражения согласия на обязательность договора, вступления в силу и прекращения его действия; 4) приложения к договору. Не все элементы структуры обязательные в каждом договоре, отсутствие тех или иных элементов не влияет на его юридическую силу.

Как отмечают В. Рогань, И. Самсин, А. Ярема, при заключении международного договора государства-участники вынуждены уступить часть своего суверенитета друг другу. При этом, ч. 2 ст. 9 Конституции Украины предусматривает, что «заключение международных договоров, которые противоречат Конституции Украины, возможно только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины» [9, с. 171].

В письме Министерства юстиции Украины от 11 мая 2010 г. «О разъяснении по применению международных договоров Украины о правовой по-

мощи в части, касающейся отмены требования легализации официальных документов, выданных компетентными органами Договаривающихся Сторон» к Министерству иностранных дел Украины и др. отмечено, что международные договоры Украины, которые регулируют вопрос правовых отношений и международной правовой помощи по гражданским делам, содержат положение о том, что документы, составленные или удостоверенные компетентным органом одной Договаривающейся Стороны и подтвержденные подписью уполномоченного лица и официальной печатью, действующим на территории другой Стороны без дальнейшего заверения. Следует отметить, что наличие соответствующих положений нельзя толковать буквально как предусматривающие принятие компетентными органами Украины без какого-либо дополнительного удостоверения всех официальных документов, составленных органами иностранных государств, являющихся Сторонами таких договоров [11].

Статьей 3 Налогового кодекса Украины установлено, что «действующие международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины и которыми регулируются вопросы налогообложения, являются составной частью законодательства Украины. Если международным договором, согласие на обязательность которого предоставлено Верховной Радой Украины, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Ко-

дексом, применяются правила международного договора» [1].

Международный налоговый договор имеет двойную природу. С одной стороны он регулируется международным правом, с другой – после его инкорпорации в национальное налоговое законодательство становится элементом внутреннего государственного налогового законодательства [12, с. 27]. Международные договоры, регулирующие налоговые правоотношения, можно объединить в три группы: 1) общие налоговые – соглашения, посвященные общим основным проблемам налогообложения между договаривающимися странами (устранение двойного налогообложения); 2) условно-налоговые – соглашения, в которых вопрос налогообложения регулируется наряду с другими, которые не входят в предмет налогового или финансового права; 3) ограничено налоговые – соглашения, которые обуславливают применение механизма налогообложения по конкретному виду налога, плательщика или объекта налогообложения.

Подробнее остановимся на рассмотрении международных налоговых договоров об устранении двойного налогообложения. Ведь с развитием международных экономических связей между странами, интеграционными процессами в обществе, расширением внешней торговли вопрос двойного налогообложения приобретает особую остроту, поскольку является сдерживающим фактором в развитии указанных выше процессов [13, с. 279].

Международные налоговые

договоры об устранении двойного налогообложения являются наиболее действенным способом устранения международного двойного налогообложения. Украина активно проводит работу для заключения соответствующих двусторонних договоров, обеспечивает защиту плательщиков от двойного налогообложения [14, с. 124].

Статья 13 Налогового кодекса Украины предусматривает устранение двойного налогообложения [1]. Для лучшего понимания терминологии международных договоров, использованной в этой статье, отметим, что:

– резиденты – это: а) юридические лица и их обособленные лица, образованные и осуществляющие свою деятельность в соответствии с законодательством Украины с местонахождением как на ее территории, так и за ее пределами; б) дипломатические представительства, консульские учреждения и другие официальные представительства Украины за рубежом, которые имеют дипломатические привилегии и иммунитет; в) физическое лицо – резидент – физическое лицо, имеющее место жительства в Украине (п.п. 14.1.213 п. 14.1 ст. 14 Налогового кодекса Украины);

– нерезиденты – это: а) иностранные компании, организации, созданные в соответствии с законодательством других государств, их зарегистрированные (аккредитованные или легализованные) в соответствии с законодательством Украины филиалы, представительства и другие обособленные подразделения с местонахождением

на территории Украины; б) дипломатические представительства, консульские учреждения и другие официальные представительства других государств и международных организаций в Украине; в) физические лица, не являющиеся резидентами Украины (п.п. 14.1.122. п. 14.1 ст. 14 Налогового кодекса Украины).

Порядок применения международного договора Украины об избежании двойного налогообложения относительно полного или частичного освобождения от налогообложения доходов нерезидентов с источником их происхождения в Украине определен статьей 103 главы 10 Налогового кодекса Украины. Согласно этой статье применения правил международного договора Украины осуществляется путем освобождения от налогообложения доходов с источником их происхождения из Украины, уменьшения ставки налога или путем возврата разницы между уплаченной суммой налога и суммой, которую нерезиденту необходимо уплатить в соответствии с международным договором Украины [1].

Согласно письма Министерства доходов и сборов Украины от 23 января 2014 г. №1535/7/99-99-12-01-03-17 «О международных договорах об избежании двойного налогообложения», опубликованного на официальном портале Государственной фискальной службы Украины (<http://sfs.gov.ua>), по информации, полученной от Министерства иностранных дел Украины, состоянием на 1 января 2014 г. вступили в силу международные договоры об избежании двойного налогообложения с 66 стра-

нами мира. Конвенция между Кабинетом Министров Украины и Союзным Правительством Союзной Республики Югославия об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал применяется в отношениях Украины с Республикой Сербия и с Республикой Черногория. Кроме того, в соответствии со ст. 7 Закона Украины «О правопреемстве Украины» Украина применяет договоры СССР об избежании двойного налогообложения, действующие до вступления в силу новых договоров. Договоры СССР действуют в отношениях Украины со следующими странами: Испанией, Малайзией, Японией [15].

Л. Тымченко обращает внимание на то, что преамбулы большинства договоров Украины об избежании двойного налогообложения четко не определяют целей их заключения, за исключением договоров с Испанией, Кипром, Киргизией, Таджикистаном и Туркменистаном. Вместе с тем, ни в одном договоре Украины об избежании двойного налогообложения не упоминается предотвращение и противодействие избежанию двойного налогообложения как цель соответствующих международных налоговых договоров [2, с. 15].

Выводы. На основе анализа понятия «международный договор» и его применения в налоговой сфере Украины, считаем, что международный налоговый договор – это соглашение между государствами и / или другими субъектами международного права, заключенное в письменной форме и регули-

рующее их взаимоотношения в налоговой сфере путем установления, изменения или прекращения для ее участников прав и обязанностей в соответствии с основными принципами международного права, независимо от того, содержится договор в одном или нескольких связанных между собой документах. Как источник налогового права, международный договор обеспечивает Украине участие в экономических отношениях с другими странами после его инкорпорации в национальное налоговое законодательство.

Литература:

1. Податковий кодекс України від 02 грудня 2010 р. № 2755-VI // Відом. Верх. Ради України – 2011 р. – № 13 (№ 13-14, № 15-16, № 17) – Ст. 112.
2. Застосування міжнародних податкових договорів: теорія та практика [монографія] / авторський колектив; за заг. ред. д.ю.н. Л.Д. Тимченка. – Ірпінь: Видавництво Національного університету ДПС України, 2013. – 220 с.
3. Україна в міжнародних відносинах. Енциклопедичний словник-довідник. Випуск 2. Предметно-тематична частина: Д-Й / Відп. ред. М.М. Варварцев. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. – 252 с.
4. Великий енциклопедичний юридичний словник / За ред. акад. НАН України Ю.С. Шемшученка. – 2-ге вид., переробл. і доповн. – К.: Вид-во «Юридична думка», 2012. – 1020 с.
5. Булгакова Д.О. Міжнародний договір у системі права Європейського Союзу (теоретичні аспекти): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Дар'я Олександрівна Булгакова; Міністерство освіти і науки України, Національний університет «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». – К., 2013. – 19 с.
6. Віденська конвенція про право міжнародних договорів: Міжнародний документ, Заява від 23 травня 1969 р. // Відом. Верх. Ради Української РСР. – 1986. – № 17. – Ст. 343.
7. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями: Международный документ от 21 марта 1986 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_a04/page
8. Конституція України: Закон України від 28 червня 1996 р. № 254к/96-ВР // Відом. Верх. Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141
9. Новітнє вчення про тлумачення правових актів: навч. посіб. з курсу тлумачення правових актів для суддів, що проходять підвищення кваліфікації і кандидатів на посади суддів, що проходять спеціальну підготовку / В.Г. Ротань, І.Л. Самсін, А.Г. Ярема та ін.; відп. ред., кер. авт. кол. В.Г. Ротань. – Х.: Право, 2013. – 752 с.
10. Про міжнародні договори України: Закон України від 29 червня 2004 р. № 1906-IV // Відом. Верх. Ради України – 2004. – № 50. – Ст. 540.
11. Роз'яснення щодо застосування міжнародних договорів України про правову допомогу в частині, що стосується скасування вимоги легалізації офіційних документів, виданих компетентними органами Договірних Сторін: Лист Міністерства юстиції України від 11 травня 2010 р. № 26-26/291 // Вісник податкової служби. – 2010 р. – № 26.
12. Податкове право України: альбом схем: навч. посіб. / [Л.М. Касьяненко, А.В. Цимбалюка, Ю.І. Аністратенко, Н.І. Блащук]; за заг. ред. Л.М. Касьяненко. – К.: Алерта, 2013. – 112 с.
13. Пришва Н.Ю. Податкове право: навч. посіб. / Н.Ю. Пришва. – К.: Юрінком Інтер, 2010. – 368 с.
14. Податкове право: навч. посіб. / Я.В. Греца, В.І. Ярема, Ю.М. Бисага, М.В. Сідак. – К.: Знання, 2012. – 389 с.
15. Лист Міністерства доходів і зборів України від 23 січня 2014 р. №1535/7/99-99-12-01-03-17 «Щодо

міжнародних договорів про уникнення подвійного оподаткування» [Електронний ресурс]. – Режим доступа:

<http://sfs.gov.ua/diyalnist/mijnarodne-chinni-dvostoronni-mijuryado/129999.html>

VALUE CONCEPTS OF „ECONOMIC LAW AND ORDER” AND „ECONOMIC SECURITY” (PROBLEM)

E.N. BILOUSOV,
candidate of jurisprudence,
associate professor of international law
of National law university named after Yaroslav the Wise

SUMMARY

The article investigates the research of the relationship between the concepts of «economic law and order» and «economic security of state». Studied scientific approaches to understanding and interpretation of the economic order, in the context of its relationship and interaction with the concept of «economic security of state». There is analyzed the basic means of ensuring economic security in terms of violations of commercial law and order in the light of economic and legal liability. The main legislative acts that are part of the economic and legal means to ensure economic security of state.

Keywords: economic security, economic order, economic and legal responsibility, economic system, economic organizations.

* * *

Статья посвящена исследованию проблемы соотношения понятий «хозяйственный правопорядок» и «экономическая безопасность государства». Исследованы научные подходы к пониманию и раскрытию понятия хозяйственный правопорядок, в контексте его соотношения и взаимодействия с понятием «экономическая безопасность государства». Проанализированы основные способы обеспечения экономической безопасности в разрезе нарушения хозяйственного правопорядка через призму хозяйственно-правовой ответственности. Исследованы основные нормативно правовые акты, которые являются неотъемлемой частью хозяйственно-правовых способов обеспечения экономической безопасности государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, хозяйственный правопорядок, хозяйственно-правовая ответственность, экономическая система, хозяйственные организации.

According to part 2, Art. 5 Commercial Code of Ukraine [1], economic operators and other stakeholders relations in the economic sphere the activities within and in accordance with established legal economic order (commercial law and order) compliance with legal requirements. According to part 1, Art. 5 Commercial Code of Ukraine [1], the formation of legal economic order in the country based on the system optimally oriented combination of market self-regulation of economic relations of economic activity and regulation of macroeconomic processes from public authorities, subject to the constitutional requirements of economic responsibility of the state to the individual for their activities and determine Ukraine as an independent and sovereign, democratic, social and legal state. Therefore, in our opinion, compliance of the economic order, which

is regarded as the Commercial Code of Ukraine [1], is the foundation of all components of economic security.

Currently, the economic - legal science is almost no comprehensive approach to the definition of “legal economic order (economic law and order).” For example O.M. Vinnyk [2] provided a definition of this category, in particular in its view, the economic rules of law and order is a direct and control of economic activities. We believe that this concept should be considered a more expanded target providing objective of this category, thus, necessary to distinguish the main types of business relationships that with proper organization and management are economic order.

In scientific studies defined [2, 3] that according to the economic and legal concept, the economic relationship is the relationship between business entities and gov-

ernments, which are formed in the management and organization of economic activity. At the same subjects as commercial relations stand out:

- economic organizations that are open to the implementation of economic and operate as legal entities;

- public and private agencies, whose operation is aimed at managing the economy of the country (all ministries, state committees, business associations, government, local authorities, etc.);

- organizational units of commercial organizations with competence regarding the organization of economic activity;

- person - entrepreneur.

There are different classifications of economic relations, but we believe that support should be provided in Art. Commercial Code of Ukraine [1], following which, the area of economic relations in-

clude the economic and industrial, farm, organizational and economic relationship. Thus, economic and production relationship is property and other legal relations that may arise between businesspersons in the course of business. Organizational and economic relationship, according to the Commercial Code of Ukraine [1], is the relationships that are formed business entities and subjects of organizational and economic powers (by the government) during economic management. And internal business relationship is the relationship that formed between the structural units of businesses, business entities and legal relationship with their departments.

Another component of economic law and order is economic and legal responsibility in ensuring economic security for all components.

Study of different content characteristics of economic and legal responsibility in ensuring economic security for all components has made it possible to identify the main features of this categorical concepts including:

- the actual basis for the application of economic and legal responsibility in ensuring economic security is an offense against the economic order, which is a threat to economic security;

- the opportunity to use state coercion to impose on violators of economic and legal responsibility in ensuring economic security;

- the legal basis of economic and legal responsibility in ensuring economic security is not only a legal document that governs the implementation of commercial relations, economic and legal responsibility to protect against economic crime as the basis of economic threats, but also commercial con-

tracts entered into to your requirements and standards [2];

- an entity which can be applied economic sanctions are all members of commercial relations defined in Art. 2 of the Commercial Code of Ukraine [1], with the exception of consumers;

- economic and legal responsibility is a way of punishment for offenders and how to protect and restore the rights in violation of the economic order, ensure economic security at various levels [5, 6];

- imposing on offenders economic and legal responsibility reductions in the property of the latter, it has the appearance of additional problems in the implementation of management [5, 6];

- according to the general rule, the implementation of economic and legal responsibility implies a presumption of guilt obligated parties [5].

In view of the above, the proposed definition of economic and legal responsibility in terms of violations of economic order, as a threat to economic security. Thus, economic and legal responsibility is provided standards and requirements of commercial law and commercial contracts duty that may be assigned Governors party or relevant authorities (according to jurisdiction) in commercial relations by which economic offenses committed, executing it, in turn, affect the realization of economic interests and have property and organizational implications of the latter, and is aimed at restoring the economic interests of the eligible parties and ensure economic security at all levels.

As mentioned above, the regulations implementing economic and legal norms is an important component of economic and legal means to ensure economic security.

The main acts of Economic and legal norms of economic security is the Constitution of Ukraine [7], the Law of Ukraine "On National Security of Ukraine" dated 19.06.2003 № 964-IV [8], the Commercial Code of Ukraine [1] and all laws, governing the provision of all basic types of economic security and their components, including the Law of Ukraine "On foreign Economic Activity" from 04.16.1991 № 959-XII [9], the Law of Ukraine "On Banks and Banking" [10] The Law of Ukraine "On insurance" [11], the Budget Code of Ukraine [12], international treaties ratified by the Verkhovna Rada (Parliament) of Ukraine, other regulations.

According to the Law of Ukraine "On National Security of Ukraine" dated 19.06.2003. № 964-IV [13] developed a National Security Strategy of Ukraine "Ukraine in a changing world" [13] The concept of national security in the financial sector [14], programs and strategies that target defined principles and benchmarks to ensure economic security as a whole and for its individual species. In our view, the current legal regulation providing economic security is only a state of formation. The urgency of optimizing the legal framework in this direction driven by a continuation of the recession in the country in various fields, especially in the domestic economy and global levels.

To improve the regulatory framework governing the provision of economic security, first, requires the development of a single unified approach to the components of economic security and its threats. Gaps in this area include the following:

- national Security Strategy of Ukraine "Ukraine in a changing world" [13,14] contains the list of

national security, in which individual components of an isolated economic security and its types;

- in Ukraine, unlike other countries, such as Russia [15], there is no overall strategy to ensure economic security. The development of this Strategy would allow separation of the main types of economic security at various levels, the main types of threats and trends to overcome them;

- needs further development in commercial law relationship discussed above category of "economic law and order" in the category of "economic security" with the impact of economic and legal means in general the last.

List of uses of literature

1. Economic Code of Ukraine, President of Ukraine approved 16.01.2003. № 436-IV [electronic resource].

Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/436-15>

2. Vinnyk O.M. Business Law [text]: teach. guidances. / O.M. Vinnyk. - K.: All-Ukrainian Association of Publishers "Legal unity", 2008. - 766 p.

3. Vikhrov O.P. The subject of business law at the Commercial Code of Ukraine [Text] / O.P. Vikhrov // Law and Management. - 2011. - № 1. - P. 37-44.

4. Scherbyna V.S. Business Law [text]: textbook / V.S. Scherbyna. -

K.: Yurinkom Inter, 2009. - 640 p.

5. Zayarny O. Economic and legal responsibility in the mechanism of legal regulation of economic relations [Text] / O. Zayarny // Bulletin of Kyiv National University named by T. Shevchenko. - 2011. - № 86. - P. 110-11.

6. Commercial Law [Text]: the textbook / under total. ed. V.K. Mamutova. - K.: Yurinkom Inter, 2002. - 970 p.

7. Constitution of Ukraine of 28.06.1996 № 254k / 96-VR (latest ed. from 12.04.2012, base v009p710-12) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>

8. Law of Ukraine "On National Security of Ukraine" dated 19.06.2003. № 964-IV (latest ed. 13.10.2012, base 5286-17) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/964-15>

9. Law of Ukraine "On Foreign Economic Activity" from 16.04.1991. № 959-XII (latest ed. 11.17.2012, base 5480-17) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/959-12/page3>

10. Law of Ukraine "On Banks and Banking" from 07.12.2000 № 2121-III (last ed. 01.01.2013, base 5042-17, 5410-17) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2121-14>

11. Law of Ukraine "On insurance" from 07.03.1996 № 85/96-VR (latest ed. 18.01.2013, base 4212-17) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/85/96-%D0%B2%D1%80/page>

12. Budget Code of Ukraine, President of Ukraine approved 08.07.2010 № 2456-VI (latest ed. from 5.1.2013, the base 5496-17) [electronic resource]. Access: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2456-17>

13. The National Security Strategy of Ukraine "Ukraine in a Changing World", approved by the President of Ukraine on February 12, 2007 № 105 (as amended by the Decree of the President of Ukraine from June 8, 2012 № 389/2012) [electronic resource].

Access: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/105/2007>

14. The concept of national security in the financial sector, approved by the Cabinet of Ministers of Ukraine dated August 15, 2012 № 569 [electronic resource]. Access: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/569-2012-%D1%80>

15. National strategy of economic security of the Russian Federation,

approved by Presidential Decree of 29 April 1996 № 608 [electronic resource]. Access: <http://www.scrf.gov.ru/documents/23.html>